

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<https://sthb.petrso.ru>

№ 2(13). Декабрь, 2019

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Кабанова
Л. А. Клюкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.
E-mail: studhbor@petrso.ru
<https://sthb.petrso.ru>

Содержание № 2. 2019.

ФИЛОСОФИЯ

Ашилова М. С., Бегалинова
К. К. **О НЕКОТОРЫХ ФИЛОСОФСКИХ АСПЕКТАХ
СТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ЗНАНИЯ В
УСЛОВИЯХ XX-XXI ВЕКА** 4 - 11

ЩЕРБАКОВ В. П. **ПРЕДЕЛЫ ПСИХОАНАЛИЗА: МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И
ЛОГОТЕРАПИЕЙ** 12 - 15

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ВАСИЛЬЕВА С. В. **РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРТИНА
ЛЮТЕРА** 16 - 24

СУВОРОВА И. М.,
СКОРОПАДСКАЯ А. А. **МЕДИЙНЫЕ МИФЫ О КАРЕЛЬСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ И
РЕАЛЬНОСТЬ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ** 25 - 33

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

РАННИККО А. **ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ СО СВЕРСТНИКАМИ В
ИНВАЛИДНОМ СПОРТЕ** 34 - 43

Рецензии

КЛЮКИНА Л. А. **ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ГОРОДА И ГОРОДСКОГО
ПРОСТРАНСТВА: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
СВЕТЛАНЫ СЕРГЕЕВНЫ КАСАТКИНОЙ «УРБОСФЕРА:
ПРАКТИКИ ОСМЫСЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО
ПРОСТРАНСТВА»** 44 - 48

Килин Ю. М. **РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: NERG P., JÄRVENPÄÄ N. TIUKKA
RAIKKA. (ТРУДНАЯ РАБОТА). DOCENDO OY,
JYVÄSKYLÄ, 2019. 174 S.** 49 - 53

Хроника научных мероприятий

АНДРИАНОВА И. С. **«ПЕТРОЗАВОДСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА»
НА СИМПОЗИУМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА Ф.
М. ДОСТОЕВСКОГО В БОСТОНЕ*** 54 - 57

УДК 316.74

О НЕКОТОРЫХ ФИЛОСОФСКИХ АСПЕКТАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ XX–XXI ВЕКА

АШИЛОВА
Мадина
Серикбековна

*доктор PhD, кандидат философских наук,
ассоциированный профессор,
Казахский университет международных отношений и
мировых
языков имени Абылай хана, кафедра
медиакommunikации,
Алматы, Казахстан, Alibek557@rambler.ru*

БЕГАЛИНОВА
Калимаш
Капсамаровна

*доктор философских наук,
профессор,
Казахский национальный университет
имени аль-Фараби, кафедра религиоведения и
культурологии,
Алматы, Казахстан, kalima910@mail.ru*

Ключевые слова:

глобализация
информатизация общества
знание
фундаментализация образования
гуманизация
инновационные методы

Аннотация:

Проблема образования актуальна во все времена, поскольку образование – это культурный феномен, социальный институт общества, важнейшая составляющая общественной жизни. В широком смысле, образование – это процесс индивидуального присвоения культуры, исторически сложившейся на всём протяжении человеческой истории, во всём многообразии её форм и видов. Содержание образования отражает состояние общества, переход от одного его состояния к другому. В новом веке, характеризуемого в научно-исследовательской литературе как постиндустриальная или информационная эпоха, образование стало основной движущей силой общественного развития, основанием культуры. Оно должно стать мостом, который будет вести к новому устройству нашего культурного мира, т.к. только переводя каждого по этому мосту, можно что-то изменить в человеке. Проблемы образования требуют всестороннего рассмотрения, прежде всего, философского: историко-философского и социально-философского анализа его основ и основных подходов к его определению.

В статье анализируются проблемы образования в условиях XX–XXI века. Целью работы является раскрытие основных философских аспектов становления единой системы знания в условиях глобализации. При раскрытии целей и задач исследования авторами используются общие научные методы – анализ, сравнение, обобщение, абстрагирование, диалектический подход, принцип историзма и др. Раскрываются основные вызовы, противоречия современного образования. Авторы делают вывод, что в условиях глобализации и информатизации

общества становление единой системы знания встает как реальная и актуальная проблема социума. Главной ее особенностью должно явиться изменение содержания, сущности, форм образования. При этом подчеркивается, что необходим гибкий синтез традиционного и инновационного в образовательном процессе, тесная связь с этнопедагогическими особенностями.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2019 года

Опубликована: 28 декабря 2019 года

Introduction The XX century, as in a mirror, reflected all the contradictions of transforming time. It came down in history as the era of anthropogenic, information and computer civilization that surpassed all the previous ones, taken together by the nature, scope, depth, pace and strength of development. A man successfully developed an outer space and the sea depths, using created by him super complicated machinery and equipment he lifted the veil on many mysteries of the micro-macro-and-mega worlds, he was able to unravel the human genome, and conquer the thermo-nuclear energy, and more. This century is characterized by rapid both material and spiritual development of mankind, and it may be said without exaggeration that all have been reached by a man in the last decades preponderate over the sum of all that have been reached by previous generations in the past. Social productive forces have been grown to gigantic sizes all over the world that was first of all closely related to the effective use of science and technology. Important scientific advances contributed to the discovery and promotion of technology, creation of large-scale production systems with lower cost of production, sharp increase of productivity and improvement of the quality of people's life. With the progress of medical science and improvement of sanitary conditions, the human health in many countries has been distinctly improved, infant mortality has been decreased and life expectancy has been increased. Improvement of transport and communications reduced the distances between people, and contributed to the growth of international trade and exchange of experts.

Materials and methods

The methodological basis of the study was the sociocultural approach, the essence of which is to consider education as the main direction of the spiritual and cultural sphere of society. Modern education, in particular Kazakhstan, is affected by dynamic globalization, information transformations. And therefore, to achieve the goal in the work, value-semantic, analytical methods, general philosophical principles were used, as well as theoretical provisions set forth in the works of modern scientists.

The results of the study

The expansion of the scope of human knowledge is of especially exciting nature. Knowledge is increasing in ever-increasing scales. Micro-and-macro-knowledge achieved unprecedented breadth and depth. Sphere of human activity was also expanded, and what used to dream of or could not even dream turned into reality. Having overcome the forces of gravity, a man came out into space. Satellites, space labs, travels to the moon, spacecrafts, and other stunning advances in science and technology demonstrated that a man is not only the owner in the Earth, but he is starting to catch the Universe. New scientific and technological revolution spreading in microelectronics, biological projects, space technology, new methods of energy production and science on production of materials will further enhance the impact on human life in the future. Throughout his history, a man was not as powerful and strong as it is now, and he did not have such resources to better ensuring of his future.

Knowledge and Information Society

In the socio-political aspect, this era came down in history as the time of implementation of projects that were not supported by the value of logic of existence of social reality. As rightly pointed out A. P. Valitskaya, the analytics of disasters of the XX century, which remains a challenging philosophical-cultural theme throughout the last half-century, the idea that the causes of the tragedy is not limited to production and economic factors sounds quite clearly. Their deep roots have socio-cultural and psychological nature, testifying the global anthropic crisis generated by delay of spiritual and moral development of mankind from the scientific and technological progress. This delay is fixing and aggravating by the educational system, which sets the idea of domination over external nature in the people's mind in the prejudice of understanding the nature of the «internal», self-human sensory and intellectual, aesthetic and moral forces [2]. A man was not adapted to this new pace of the development of civilization. According to the Spanish philosopher X. Ortega y Gasset, this condition can be described as a huge civilizational collapse. Today, the collapse is suffered by a man himself,

who is no longer able to keep up with his civilization. The growing civilization – is neither more nor less than a burning issue. The more achievements, the greater is a danger in it. Almost the whole world – is in turmoil, and troubled man is deprived of his essential quality: the ability to reflect, ability to go deep into yourself to reach a concord with yourself and figure out in what he really believes, what he really appreciates and what he hates. Confusion dulls his mind, blinds him, makes act mechanically, frantically, like a sleepwalker [7: 327-333].

Since then, and this phrase was proposed in 1930, thereafter seventy some odd years, this situation is confirmed by thousands and thousands times. All this demonstrates a completely unsatisfactory state of public morals, educational philosophy and industrial technological practice. Modern society – is a society of knowledge and information. Thus, N. Stern pointed out that the foundations of public order being clearly delineated on the horizon are based on the knowledge. If knowledge is not only a constitutive feature of the modern economy, but also becomes the organizing principle of the whole society, it is appropriate to call this form of life «the society of knowledge». It means, first of all that, based on the knowledge we are settling all our life [9].

Paradigms of the development of modern education

What paradigms does the education recommend to the occurring XXI century? What values will be crucial in the XXI century? In the new social and spiritual realities, the purposes, forms and content of education have been changed. There appeared non-governmental, private educational institutions. The doctrine based on the logic of the liberal type economic development comes to the fore – the doctrine forming a new world order in education. At international forums of the recent years, the Western governments, economic elites, leaders of the world's leading economic organizations suggest a model of education emanating from the rules of free trade, which is based on the ideology and strategy of multinational corporations. There is no doubt that the general trend of development of education will be, as elsewhere in the world, a growing focus of the education onto the market's needs [1: 15-19].

Society has practically come to the terms with the existence of «one-dimensional man», vocational training, narrow worldview, standard thinking. In this regard, it is clear that the whole system of knowledge about the world, man and society should be radically revised. In a sense, we have to go back, even if at a higher stage of development, to a holistic knowledge and a single world order. In other words – to the fundamentalization of education on the basis of organic unity of its natural scientific and humanitarian components. It is necessary to bring the totality of knowledge, cultures and technologies into a coherent system that is not rejected by the world and man. And it should begin with the creation of a universal model of a harmonious world. A man must scientifically, visibly and materially see his relationship with the cosmos. Culture of people, ecology, computer science, cultural and religious studies, mathematics, physics and other subjects should draw up a program of knowledge of the universal man, and purpose and meaning of the acts of which will be the «holistic knowledge» and «holistic world» about which wrote V. Vernadsky. This process should be accelerated; otherwise it will be too late. The true nature of a man – is his mind. Today the mind is dictating completely; to realize your unity with the cosmic whole to the end. If a person is aware of himself as part of a single space, noosphere, then there would be no place for cruel, barbaric, selfish attitude towards the nature. The theory of V. Vernadsky, above all, is the theory of education and upbringing of free and at the same time reasonable, responsible personality who feels his moral responsibility for the reasonableness of any of his behavior. Upbringing of such a personality occurs directly under the influence of the society and objective reality.

About the importance and necessity of formation of responsible and spiritually rich personality wrote also Ya. Comensky. In his writings devoted to the development of natural talents, he outlined that «spiritual abilities of a man will be then improved when, first, he will gain the ability to think about a lot and quickly penetrate into everything; secondly, when he will be experienced in the careful distinction of things against each other, in the selection and pursuit of one good everywhere and in disregard and removal of all evil; third, when he will be skilled also in performing the most perfect cases; fourth, when he will be able to speak eloquently and instructively for a better distribution of light of wisdom, and for the bright lighting of all existing and conceivable» [4: 8].

According to the modern concepts, the formation of a well-educated personality requires the solution of several problems. First, it is necessary to harmonize the relationship between a man and a nature through the familiarity with the modern natural science view of the world, the problems of the biosphere and the Universe as a whole, to understand man's place in nature and on this basis to solve environmental problems and, more generally – the noosphere.

Second, it is necessary to assume that a man lives in the community, and for his harmonic socialization it is required to dive into the appropriate cultural environment through the development of history, law, culture, economics, and philosophy.

Third, a modern man lives under the conditions of rich information environment, and the task of education – is to teach him to live in its stream, to create preconditions and conditions for lifelong learning.

Finally, the fourth, the personality must be in harmony with itself, which requires certain knowledge in the field of psychology, in the field of literature and art.

Thus, the need to address both global problems of mankind and ensure the immediate needs of the individual leads us to the idea of fundamentalization of education.

About the features of the concept of fundamental education

The question is – what should be the basis of the fundamentalization? Obviously, this is a fundamental scientific knowledge. The fundamental nature in science and fundamental nature in education – these concepts have both general and different. The ratio between them in the history was changing. For the first time, the concept of fundamental education was distinctively formulated by Humboldt in the early XIX century. It was understood that the subject of such education should be the fundamental knowledge that science opens now at its leading edge. Moreover, it was assumed that education should be directly built into the researches. In the next hundred years this ideal of education has been implemented in the best universities of the world. However, over the time a gap between the ideal model and reality becomes more tangible. Gigantic and ever-growing scope of knowledge has led to the necessity of their adequate structuring and representation in the academic disciplines that finally transformed the fundamental education in an independent and important area of human intellectual activity. «The Bologna process is presented in three guises. First, it is a process which was initiated by signing of the Declaration on integration of the European universities and establishment of the architecture of the university education by the ministers of education of a number of European States ... The official beginning and starting point of this process – is the 1998, Sorbonne. Second, the Bologna process has a much longer history – almost eight hundred and fifty years. The 1158 is recognized as the year of establishment of the University of Bologna. Just at this time was laid a foundation for the university education. This process of universalization of the human culture and entire civilization continues and gains new shapes at each stage of the human history. Thirdly, the Bologna process has become ideologeme, paradigm, matter of argument not only about the trends of development and integration of education, but also about the special vision of the globalization processes. For a scientific reflection of real practice and development of optimal principles, organizational mechanisms of integration it is necessary to understand the essence of the Bologna process, to realize it as a contemporary social phenomenon in correlation with the values adopted by modern mankind» [5: 27].

Contradictions of modern education and ways to solve them

The new realities of today's world such as globalization, universalization and unification of the modern civilization gave rise to many controversies in the field of education. The main among them is the desire to preserve the national educational systems and at the same time to ensure a smooth, full-fledged entry into the global system of education. Only in this case there will be, firstly, the continuity of generations in the transmission of a unique ethnic and cultural heritage; secondly, the national identity will be retained and will receive a new impetus; thirdly, the content of the national component of education will be developed. Modern social and spiritual realities clearly dictate the need for a new approach to understanding the problems of continuity and interrelation between the East and West. Not by chance, in our time, the comparative philosophy is gaining strength and power, which claims to play a role of the planetary worldview, wherein is implemented the principle of historical truth and objectivity. From a new angle is analyzed the relationship of rational and traditional as the two forms of legitimacy.

Another not less important problem of the modern education is humanization and humanitarization conditioned by the domination of technocracy as a way of life, and had an adverse affect on the system of upbringing and education, since it generated technicism as dominant in training of specialists. This, to some extent, affected the spirituality of the society, promoted the growth of soullessness. In 1994, a law on humanization and humanitarization of education was adopted in the Republic of Kazakhstan. It is remarkable in matter document, which, unfortunately, has remained just a document. However, in the «Comprehensive program of education in the institutions of the Republic of Kazakhstan» of the Ministry of Education and Science, the trend has found its expression. And still, the problem of humanization and humanitarization remains an urgent problem in higher education. Only a humane person, humanized technology are able to change society, to remove its lack of spirituality. According to UNESCO, the leading science of early XXI century is psychology, therefore, as a pressing need becomes a science of the soul of a man, of his self-awareness and self-management. This is very symptomatic that the focus is made on the human soul, not the intellect, whereas many students, according to the sociology data, give a preference to the mind and intellect. Humanization of society is passing exactly through the human soul. «Today, in the era of democracy, the state

is governed by ordinary citizens with a variety of vocations. Therefore, a democratic society will not achieve the success as long as the general education will not give people the philosophical worldview» [3: 44]. Indeed, a special role in the process of spiritual development of the individual has to play the content of education, especially humanitarian, which contributes to the formation of common cultural competence of students, their world outlook position. Education is not in-depth knowledge, but digestion of spiritual contents. Knowledge as such is not the education. Bare knowledge remains for a person only as external load. Education is the filling of a soul with the images of greatness through the contemplation of deepness of paintings. Today's education acts as a self-education as well.

Now it is necessary to talk about this new stage of humanization, due to the aggravation of the global problems of modern civilization: the problem of international terrorism which nowadays has acquired a sharp world outlook and methodological nature, modern ecological situation, advancement of important anthropological problem, excessive mechanization of society, threatening to escalate in inhuman paradigm of social development. All these and other factors require a new appreciation of the role of humanities, paying attention to the innovative methods and techniques of their teaching, and in general to the issues of upbringing and education of the younger generation. The fact is that humanization and humanitarization, unfortunately, often was reducing to a formal declaration of this paradigm. You can hear such arguments as «no need to talk about it so much», «it's already made our mouth sore», «how can we talk about the humanization without the material and technical basis to carry out such work» etc. But our reality of planetary scale itself brushes away such kind of arguments and requires refocusing attention on this issue, because dehumanization of society is approaching, slowly, but irreversibly. Creation of a man-robot, cloning of people simply solves the problem of a man. We can very easily resolve all the complex global issues, if we will deal with such material as: pre-programmed people and «zombified» humanity. This issue is particularly pointed out in connection with the international terrorism. We have not paid enough attention to the issues of religious education. We have certain euphoria about humane role of the religion, i.e., we believe that always and in all respects the religious upbringing is originally humane, we do not have a specific knowledge about the state of affairs in this area. In any case, in the institutions of higher education, this work is performed sporadically, there is no a coherent program of education work through the religion. In our opinion, all of the circumstances outlined above, provide strong evidence that it is necessary to radically change the role and the place of social sciences and humanities in the system of institutional education and upbringing. The question is to provide humanization and humanitarization with not a formal, but a real, practical character. Deep and striking in its consequences expansion of potential of technology has an impact on all aspects of social life. With the change of content of labor, acutely increases its productivity. Significant changes occur in the whole structure of culture and modern civilization. The rapid rise of technology as a factor of social changes makes actual a complex range of world outlook issues. What is technology? What are the forms and limits of its impact on the human being? In what ways does appear a social dependence of technology? Is it a benefit to mankind, or holds unforeseen fatal predestinations? [6]. Modern information technology cannot only be connected to everyone, but also disconnect everyone of the processes of life, activity and thinking. The penetration into the whole society and the life of everyone, ascendancy over the physical and mental are evident ... Computerization leads to the fact that leisure, personal life, thinking, behavior, mood, and all human manifestations are brutally and forcibly restricted» [8: 64–65].

Now therefore, changed spiritual situation of the beginning of the III millennium directs education in general, higher in particular, to the new methodology. Universal logic as Super – dialectics arising from a holistic worldview and acts as the general methodology of the modern higher education. And that means – to consider the person and the world in harmony, unity and to understand the person himself as a whole and integrated creature that combines spiritual and material, general and particular, intellectual and moral, personal and cosmic. Such a combination is formed through the system of education and upbringing, which includes training, built on the principles of humanization and humanitarization, on the principles of subject-object relationship between the teacher and student, on the principles of activity of the pupil and teacher, on the moral principles of interpersonal relationships between them.

This new methodology dictates new training methods, new educational technologies. First of all, these technologies occur on the basis of integration of achievements of the fundamental and applied sciences. As a dominant feature of such achievements acts informatics, creation of a single information system and occurrence of Internet, which makes it possible to use the latest methods and techniques in training, facilitating communication of people that sensitize the future professionals to a holistic understanding of the world and man, to the perception of the person in harmony with humanity and cosmos as a whole.

Innovative methods of teaching in the institutions of higher education are based on the awakening of the

students' activity, interest in the subject studied. Such forms of study as the «business game», «brainstorming», «student – leader of the seminar» and others have already become a norm. Interactive teaching methods that are now introduced in higher education contribute to its reconstruction on the basis of activation of the student group. All of these new technologies are just based on understanding of the teacher and student as individuals and make learning more liberal, promote rejection of strict regulation, authoritarianism in the relationship between object and subject of study. Nowadays it is required that the student was an active subject of the cognitive process. The above interactive teaching methods are playing an important role in this task. Their meaning is reduced to the interaction between the teacher and student, active position of the student himself, who passes into an active subject of the cognitive process. He perceives not only a specific educational material, but also acts as a donor and recipient of this knowledge. It is necessary to take into account the fact that a modern student is not inclined to acquire knowledge outside of the educational process. Thus, today, the self-study of the student is afflicted for a number of reasons, including the planetary one. In our case, this is due to the insufficient number of textbooks and the need to create the textbooks of new generation. This is connected with the computerization of teaching as well. All this makes the teachers to build practical lessons and seminars in a new way. And here the student should be especially active, active as much as possible. This requires a different teacher's attitude towards the seminars. Seminar, in no case, should be a simple continuation of the lectures, when student just copies the material being obtained during the lectures. The teacher should prepare such a methodological and theoretical material for the seminars, which will allow the student to use it for his own active learning. For example, when a teacher of psychology brings the diverse concepts of psychology of the XX century during the seminars, he is preparing this material based on these concepts. Student during the discussion sessions within the allotted time should actively and purposefully assimilate the diverse points of view on the subject and nature of psychology. He should pass this knowledge through himself and then deliver this material to the entire group at a level of understanding and appreciation. Consequently, the interactive methods act as a business game, where the student – is the leader of the seminar, brainstorming, etc.

Discussion

At the turn of the XIX and XX centuries, John Dewey advanced an idea on the fact that education should be formed on a real

experience, which allows a person to be successful. It is just an experience, but not abstract, separated from real life knowledge.

At the end of the XX century, R. Bar and J. Tagg put forward a «new paradigm of higher education», which is based on the active

cooperation, when a student acquires knowledge, and a teacher – mastership [10: 13–25]. Higher education in the XXI century

should be based on such relationships between the subject and the object, the teacher and the student, which will promote

establishment of a dialogue between them, formation of the future specialist as a person responsible for himself and for the

entire society as a whole.

Conclusion

Thus, the present system of education, experiencing unprecedented earlier anthropological and spiritual crisis, nevertheless

begins to revive. The process of establishing a unified educational system is going on, and new ideal of educated intelligent

professional person is forming, who firstly, will be a highly skilled expert with encyclopedic knowledge based on the study of

fundamental, border and special disciplines, and secondly, will embody the type of relationship to a person (society) as to the

goal and not as to the means; and thirdly, will realize his attitude to the nature at a level of the generated environmental

consciousness. These three main components of a new educated person will allow specifying three basic paradigms of a new

educational system: fundamentalization, humanization and environmentalization.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берулава М. Н. Развитие отечественного образования: выбор основного вектора движения // *Философия образования*. 2006. № 1. С. 15–19.
2. Валицкая А. П. Как возможна общая теория образования, или о междисциплинарном статусе понятия «диалог» // *Диалог в образовании: Сб. материалов конф.* СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 9–16.
3. Ежова Т. В. Формирование общекультурной компетентности студентов в образовательном процессе вуза : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Оренбург, 2003. 185 с.
4. Коменский Я. А. О развитии природных дарований // Коменский Я. А. *Избранные педагогические сочинения*. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. 656 с.
5. Нечаев В. О. Параметры глобализма и факторы Болонского процесса // *Вестник Московского университета*. 2004. № 4. С. 27–34.
6. *Новая технократическая волна на Западе*. М.: Прогресс, 1986. 453 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. *Эстетика. Философия искусства*. М.: Искусство, 1991. 588 с.
8. Ракитов А. Н. Информатизация: состояние, структура, перспективы // *Перспективы информатизации общества*. М., 1990. С. 40–65.
9. Штерн Н. Мир из знания // *Социологический журнал*. 2002. № 2. С. 15–35.
10. Bar R. B. From teaching to learning. A new paradigm for undergraduate education // *Change: The Magazine of Higher Learning*. No. 27. 1995. P. 13–25.

REFERENCES

1. Berulava M. N. Development of national education: the choice of the main motion vector // *Philosophy of Education*. 2006. No 1. P. 15–19. (In Russ.)
2. Valitskaya A. P. How is possible a general theory of education, or the status of an interdisciplinary concept of «dialogue» // *Dialogue in Education*. St. Petersburg, 2002. P. 9–16. (In Russ.)
3. Yezhova T. V. Formation of the overall cultural competence of students in the educational process of high school: Dis. ... Candidate. ped. Sciences: 13.00.01. Orenburg, 2003. 185 p. (In Russ.)
4. Komensky J. A. On the development of natural talents // *Selected pedagogical works*. Moscow, 1982. Vol. 2. 656 p. (In Russ.)
5. Nechayev V. O. Parameters of globalism and the factors of the Bologna process // *Bulletin of Moscow University*. 2004. No 4. P. 27–34. (In Russ.)
6. *New wave of technocratic in West*. Moscow, 1986. 453 p. (In Russ.)
7. Ortega y Gasset X. *Aesthetics. Philosophy of Art*. Moscow, 1991. 588 p. (In Russ.)
8. Rakitov A. N. Computerization: status, structure and prospects // *Prospects of society computerization*. М., 1990. P. 40–65. (In Russ.)
9. Stern N. World of knowledge // *Sociological Journal*. 2002. No 4. P. 15–35.

10. Bar R. B., Tagg J. From teaching to learning. A new paradigm for undergraduate education. // *Change: The Magazine of Higher Learning*. No. 27. 1995. P. 13-25.

ON SOME PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF A UNIFIED SYSTEM OF KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF THE 20TH AND 21ST CENTURY

**ASHILOVA
MADINA**

*PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Kazakh University of International Relations and
Worldwide Languages named after Abylai Khan,
Department of Media Communication,
Almaty, Kazakhstan, Alibek557@rambler.ru*

**BEGALINOVA
KALIMASH**

*Doctor of Philosophy Sciences,
Professor,
Kazakh National University Al-Farabi, Department of
Religious Studies and Cultural Studies,
Almaty, Kazakhstan, kalima910@mail.ru*

Keywords:

globalization
informatization of society
knowledge
fundamentalization of education
humanization
innovative methods

Summary:

Education problems are relevant at all times, since education – is a cultural phenomenon, a social institution of society, the most important component of social life. In a broad sense, education – is a process of individual appropriation of culture, historically formed throughout the human history, in a variety of its forms and shapes. The content of education reflects the state of society, the transition from one state to another. In the new century, which is characterized in the research literature as a post-industrial or informational age, the education has become a major driving force of social development, and the basis of culture. It should be a bridge that will lead to a new structure of our cultural world, as only by crossing this bridge by everyone, you can change something in a person. Educational problems require comprehensive consideration, above all, philosophical: historical and philosophical and social and philosophical analysis of its principles and the basic approaches to its definition.

The article analyzes the problems of education in the conditions of the XX-XXI century. The aim of the work is to reveal the basic philosophical aspects of the formation of a unified system of knowledge in the context of globalization. When revealing the goals and objectives of the study, the authors use general scientific methods: analysis, comparison, generalization, abstraction, dialectical approach, the principle of historicism, etc. The main challenges and contradictions of modern education are revealed. The authors conclude that in the context of globalization and informatization of society, the formation of a unified system of knowledge arises as a real and urgent problem of society. Its main feature should be a change in the content, essence, and forms of education. It is emphasized that a flexible synthesis of traditional and innovative in the educational process, a close connection with ethno-pedagogical features is necessary.

УДК 130.3

ПРЕДЕЛЫ ПСИХОАНАЛИЗА: МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И ЛОГОТЕРАПИЕЙ

**ЩЕРБАКОВ
ВЛАДИМИР
ПЕТРОВИЧ**

*доктор философских наук, доцент,
профессор учебного отдела,
Санкт-Петербургский научно-исследовательский
институт фтизиопульмонологии Минздрава РФ,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
vpscherb@mail.ru*

Ключевые слова:

психоанализ
философия
человек
самопознание
бессознательное

Аннотация:

В статье анализируется критика психоанализа со стороны Виктора Франкла, рассматриваются философские основания психоанализа и экзистенциальной терапии. Проводятся различия между терапевтической практикой и теорией психоанализа. Философские принципы психоанализа сопоставляются с основными классическими философскими концепциями – от Платона до Маркса. Делается вывод о социокультурной обусловленности идей и методов психоанализа и его теоретическая близость с экзистенциализмом Сартра.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2019 года

Опубликована: 28 декабря 2019 года

В своей книге «Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ» австрийский психотерапевт Виктор Франкл выступает с критикой классического психоанализа и клинической психиатрии и предлагает реформу психотерапии, которая, по его словам, не должна ограничиваться только медицинской практикой, но обращаться и к философским проблемам бытия человека, превращаясь психотерапию «духовного» [5: 15]. Во многом его критика вполне обоснована и направлена против действительно свойственного психоанализу редукционизма – сведения многообразных форм психической жизни человека к небольшому числу бессознательных конфликтов преимущественно сексуального происхождения, возникающих в результате вытеснения. Однако В. Франкл здесь во многом недооценивает философские основания и важность психоанализа для европейской философской традиции. Ведь сегодня совершенно, что идеи и принципы З. Фрейда лежат, наряду с идеями К. Маркса и Ф. Ницше, в основании современной философии, поскольку все эти авторы стремились «привести в соответствие свои “сознательные” методы расшифровки с “бессознательной” работой шифровки, которую они приписывали воле к власти, социальному бытию, бессознательному психическому» [3: 232].

Таким образом, дух, в предшествующей философской традиции отсылавший к высшим силам или способностям, в их представлении превращается в симптом скрытых сил и факторов, и не является больше безусловным основанием человеческой жизни. А это, в свою очередь, означает, что представлениям человека о самом себе больше нельзя доверять.

Далеко не случайно Сократ сделал девизом своих философских поисков истинного знания слова, написанные на стенах Дельфийского храма Аполлона: «Познай самого себя». Знание стало для него главной добродетелью человека, предохраняющей его от плохих поступков, совершаемых либо по неведению, либо вследствие заблуждения. Все последующие поколения европейских философов в той или иной мере следовали этой максиме, пытаясь найти основания достоверного знания и принципы

добродетельной жизни. И поэтому уже Сократ главным объектом самопознания называет душу человека [2: 138,158]. Опыт самопознания становится главным содержанием философских рассуждений, ориентированных на достижение гармонии с миром и другими людьми, и на избавлении от внутренних конфликтов и аффектов. У христианских же авторов эта интенция превращается в заботу о душе с целью предохранения ее от мирских и плотских соблазнов и искушений в перспективе будущего суда и воскрешения для «вечной жизни».

Декартовский принцип «*cogito ergo sum*» становится основанием не только новоевропейской философии, но и новой формы самосознания европейского человечества, стремящегося построить модель рационального и справедливого мироустройства. Оптимизм эпохи Просвещения был обусловлен бесконечной верой в разум и прогресс во всех сферах человеческой жизни. Однако реализовать эти надежды на практике не удалось и поэтому безграничный оптимизм сменяется не менее радикальным пессимизмом или же попытками более реалистичной оценки человека и его возможностей. Разбуженный Д. Юмом И. Кант, к примеру, проводит четкие границы научного знания, не способного проникнуть в действительную суть вещей и обращенного лишь к сфере явлений, а более решительный А. Шопенгауэр подчиняет разум слепой и безрассудной «мировой воле», скрывающейся за «покрывалом Майи». Ориентированный на практику К. Маркс, в свою очередь, определяет человека как «ансамбль общественных отношений», что в итоге приводит к релятивизации сознания и подчинению его классовым интересам и идеологии. А подозрительный Ф. Ницше выстраивает сложные генеалогические схемы происхождения морали, религии и науки, далекие от рациональных интерпретаций и делающие подлинные мотивы человеческих действий эффектами «воли к власти».

Поэтому пронизательному З. Фрейду остается лишь сделать заключительный шаг, открыв инстанцию бессознательного как главный источник мотивов человеческого действия. И этим двусмысленным «открытием» он действительно совершает очередной «коперниканский переворот» в самосознании человечества. И действительно, вслед за Н. Коперником, сдвинувшем земного человека с центрального места во Вселенной, и Ч. Дарвином, лишившем живого человека статуса «венца творения», З.Фрейд продемонстрировал неспособность человека мыслящего управлять даже самим собой, нанеся «самый чувствительный удар по человеческой мании величия» [6: 181]. Однако сам же австрийский психолог дает человеку и шанс вернуть себе контроль над самим собой, выдвигая свою знаменитую максиму «*wo Es war, soll Ich werden*», «где было Оно, должно стать Я». Тем самым он не столько завершает традицию рационалистической философии, сколько продолжает ее, укрепляя позиции рационального Я.

При этом важно отметить, что время рубежа столетий в Европе – это период глубокого кризиса – социального, политического и культурного. Прежний социальный и культурный мир с его системой ценностей, традиций и моральных принципов стремительно разрушается, порождая ощущение тревоги и страха у жителей европейских столиц, и приводя к настоящей эпидемии неврозов, перед которыми оказывались бессильными классические методы лечения. Именно поэтому предложенный З. Фрейдом новый метод «лечения разговором», становится таким популярным и очень быстро распространяется во всех европейских столицах. Отказываясь от гипноза и фармакологического воздействия, ученый выводит свой метод психотерапии за пределы классической медицины, прокладывая путь гуманистической психологии, объектом воздействия которой становится старая добрая душа человека, а не его бранный физическое тело. Во многом благодаря именно З. Фрейду психология становится самостоятельной наукой, исследующей психику человека как автономную реальность, возникающую и существующую в межличностных взаимодействиях.

Здесь необходимо подчеркнуть, что весьма значимой особенностью психоанализа является различие между психоаналитической теорией и практикой. Парадоксальным и невозможным для классической науки образом, теория психоанализа существует независимо от терапевтической практики, которая в большей степени определяется личными отношениями аналитика и пациента, чем теоретическими принципами. Более того, различия между различными психологическими школами и направлениями, по большей части являются именно теоретическими, и представляют собой различные интерпретации того, что происходит в кабинете психотерапевта. В этом отношении теория психоанализа ближе к философии и теории культуры, поскольку предлагает теоретическое обобщение аналитического опыта и формирует мировоззренческие принципы, основанные на новых представлениях о психике, ее функциях и структуре. Возможно, именно поэтому В. Франкл выступает как философский критик психоанализа, не замечая своеобразной философии психоанализа, радикально отличающейся от классических философских идей и принципов, среди которых значительное место отводилось вопросам о смысле человеческой жизни. Хотя уже И. Кант выводит эти вопросы из ведения

философии, адресуя их религии. Называя же религию формой коллективного невроза, а также «иллюзией», З. Фрейд окончательно дезавуирует философский статус вопроса о смысле жизни, предлагая вместо него ответ на главный кантовский вопрос «Что такое человек?».

Для австрийского психолога индивид – это носитель уникальной психической истории, которая начинается с его рождения. Движущая сила этого исторического развития заключена в бессознательном, которое вынуждено под внешним давлением отказываться от принципа удовольствия и подчиняться принципу реальности. Тотальное давление культуры неизбежно приводит к невротизации человека, причина которой заключена в бессознательных конфликтах, возникающих в результате вытеснения. Когда же уровень невротизации достигает такого уровня, что становится помехой в отношениях с другими людьми, становится необходимым вмешательство аналитика, который должен стать своего рода проводником пациента в путешествии по его же собственному бессознательному.

В этом отношении пациент для аналитика – это источник материала для интерпретации, набор симптомов, свидетельствующих о скрытых от непосредственного наблюдения психических процессах. Однако именно значимость личности аналитика для результата и содержания анализа является для В. Франкла серьёзным недостатком психоанализа и причиной мифологизации аналитической практики, лишённой нормативной техники и критериев успешности лечения. Поэтому он и предлагает осуществить «деифологизацию психотерапии и вочеловечивание» медицины для заполнения, по его словам, «экзистенциального вакуума», лежащего в основании «ноогенного» невроза. Отчасти этот подход действительно соответствует идеям экзистенциальной философии, утверждавшей приоритет существования человека над его сущностью. Однако, наряду с утверждением ценности индивидуального жизненного проекта, сартровский атеистический экзистенциализм отрицает и существование смысла жизни, основанной на негативном опыте свободы. Возможно, в таком случае логотерапия, основанная на экзистенциальной коммуникации врача и пациента с «невротическим мировоззрением» [5: 18], и призванная обеспечить ему «духовный якорь», ориентируется на религиозный экзистенциализм К. Ясперса. Только тогда есть основания говорить об автономности духовной сферы, не сводимой к внешним обстоятельствам человеческой жизни и психическим процессам. Тогда психоанализ оказывается ближе к философии Ж.-П. Сартра, и ориентирован на индивидуальную психическую историю каждого человека, предлагая каждому свое собственное решение и ответственность за него, и не призывая при этом к совести или смыслу. Так как для человека значимо только то, что *захвачено* психикой, приносит удовольствие и *включено* в систему его направленного и заинтересованного существования [1: 70], а сознание только фиксирует результаты работы бессознательного. И это означает не отрицание человеческого бытия, а, наоборот, его абсолютизацию, открывающую новые смыслы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лакан Ж. Семинары. Кн. 11. Четыре основные понятия психоанализа. М.: Логос-Гнозис, 2004. 304 с.
2. Платон. Федр // Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
3. Рикер П. Конфликт интерпретаций. М.: Медиум, 1995. 416 с.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сартр Ж.-П. Сумерки богов. М.: По-литиздат, 1989. С. 319–344.
5. Франкл В. Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 338 с.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1990. 455 с.

REFERENCES

1. Lacan J. Four fundamental concepts of psychoanalysis. Book 11. M., 2004. 304 p. (In Russ.)
2. Plato. Phedr // Collected works Vol. 2. M., 1993. 528 p. In Russ.)
3. Ricoeur P. Conflict of Interpretation. M., 1995. 416 p. (In Russ.)
4. Sartre J.-P. Existentialism is Humanism // Sartre J.-P. Twilight of the Gods. M., 1989. (In Russ.)
5. Frankl V. Doctor and Soul: Logotherapy and Existential Analysis. M., 2017. 338 p. (In Russ.)
6. Freud S. Introduction in the psychoanalysis: Lectures. M., 1990. 455 p. (In Russ.)

LIMITS OF PSYCHOANALYSES: BETWEEN PHILOSOPHY AND LOGOTHERAPY

**SHCHERBAKOV
Vladimir**

*Doctor of Philosophy,
Professor of The Education Department,
Saint-Petersburg State Research Institute of
Phthysiopulmonology
of the Ministry of Healthcare of the
Russian Federation,
Saint-Petersburg, Russian Federation, vpscherb@mail.ru*

Keywords:

psychoanalysis
philosophy
human being
self-knowledge
unconscious

Summary:

The article analyzes Victor Frankl's criticism of psychoanalysis. It examines the philosophical foundations of psychoanalysis and existential therapy. The author distinguishes therapeutic practice and the theory of psychoanalysis. The philosophical principles of psychoanalysis are compared with the basic classical philosophical concepts - from Plato to Marx. The research has shown sociocultural conditionality of ideas and methods in psychoanalysis, as well as its theoretical similarity to Sartre's existentialism.

УДК 274. 5

РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРТИНА ЛЮТЕРА

**ВАСИЛЬЕВА
СВЕТЛАНА
ВЛАДИМИРОВНА**

*кандидат философских наук,
доцент кафедры германской филологии и
скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
milorada07@mail.ru*

Ключевые слова:

Реформация
протестантизм
Мартин Лютер
римская католическая церковь
Папа римский
Средневековье
римско-германская империя
Крестьянская война
реформы

Аннотация:

Статья посвящена осмыслению процессов Реформации в Европе и роли в ней Мартина Лютера. Для этого рассматривается широкая палитра жизни в средневековой Германии, анализируются предпосылки и последствия реформаторского движения в Европе, заданного протестантизмом как новым направлением духовной жизни. Эпоха Реформации принесла с собой не только глубокие преобразования церковного и религиозного состояния, затронувшего духовную жизнь общества, но и вызвала большие сдвиги и далеко идущие последствия в политической, социальной и культурной жизни Европы. С формированием новой религии в Германии постепенно сформировалась и новая рациональность, характерная для этоса западноевропейских стран.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2019 года

Опубликована: 28 декабря 2019 года

Германское общество в переходный период

Для более глубокого понимания всех взаимосвязанных процессов, предопределивших Реформацию в Европе, необходимо представить себе, насколько уже в предшествующий период – до Лютера и до начала Реформации – Германия была пронизана духом изменений и преобразований на глубинном уровне. Для этого мы проанализируем состояние германского общества в политическом, историческом, социальном аспекте в период, предшествовавший Реформации.

К началу XVI века Германия насчитывала около 12 млн. жителей и принадлежала к самым густонаселенным регионам Европы того времени. Рост количества и увеличение значимости городов были заметны в Германии еще в XIV–XV веках. Длительный продовольственный кризис, последовавший за «черной смертью» – эпидемией чумы, свирепствовавшей в Европе в середине XIV века, привел к аграрному застою. В период с 1450 до 1520 года катастрофически снижались цены на зерно, что вело к запустению сельских хозяйств и оттоку рабочего люда в города.

Средневековые германские города были центрами торговли и ремесел, гуманитарного образования и художественного творчества. В части самоуправления города достигли довольно высокого уровня: самые крупные из них подчинялись непосредственно кайзеру, но средние и даже мелкие города, находившиеся во власти местных князей, благодаря своей хозяйственной мощи, часто избегали непосредственного разорительного взаимодействия с мелкой княжеской знатью. Таким образом, в политическом плане нарастал конфликт между укреплением княжеской власти и развитием

автономии городов. Это особое положение имперских городов, как известно, будет иметь двойное значение в смысле религиозных преобразований, с одной стороны, и социально-экономической динамики, с другой. В основном здесь североевропейская Реформация и нашла отклик: из 65 германских городов только пять никак не отреагировали на идеи Реформации, остальные же в той или иной степени восприняли эти идеи.

Германия того времени может гордиться своими достижениями в гуманитарной и технической сфере. Чего стоит только изобретение книгопечатания! Возникло оно не за один день и связано со многими мировыми техническими изобретениями, которые оставались в забвении. Так китайцы еще в XI веке знали подвижные литеры, а винтовой пресс был известен веками, и его применяли не только в странах Средиземноморья для того, чтобы давить виноград, но и для изготовления бумаги и создания набивного рисунка на ткани [3: 94–95]. Однако Гутенберг (настоящее его имя Вольфганг Генсфлейш, 1394–1468) первым в Европе понял, как можно механизировать процесс печатания, а его друг Иоанн Шеффер нашел способ отливать литеры из разных сплавов, в том числе с добавлением сурьмы и свинца. Начиная с 1462 года, печатная машина из Майнца – «машина Гутенберга – начала свое путешествие по Европе: из Венеции в Антверпен, из Лиона в Нюрнберг, из Парижа в Прагу» [3: 98]. До промышленного книгопечатания было еще далеко, но эра просветительства и гуманизма уже настала.

Итак, германские города с их динамичным населением, частично уже умеющим читать, с разительными противоречиями богатства и бедности, с освобожденной от налогов духовной деятельностью и растущим самосознанием граждан – эти города уже были готовы воспринять первые реформаторские идеи. С другой стороны, крепло сословие городских ремесленников, купцов, рабочих горнодобывающей промышленности и, что самое главное, сформировался класс предпринимателей ранней капиталистической эпохи. В горнорудной технике и металлообработке, книгопечатании и художественных ремёслах, в банковском деле и простирающихся за океан торговых связях – во всех этих сферах в начале XVI века Германия значительно опережала своих европейских соседей в части технологического и экономического прогресса.

Однако завоевания прогресса, а также интересы высших и средних слоев городского населения представляли собой резкий контраст по отношению к низшим слоям бедноты, а особенно к массам бедного крестьянства. По разным данным, от 85 до 90 процентов германского населения жило в сельской местности, в более или менее зависимом от господ положении. Наделы земли находились в собственности князей или церкви, то есть о свободном хозяйствовании на земле не было и речи, впрочем, как и о личной независимости крестьян. Разорительная крестьянская десятина в пользу церкви, невозможность для ремесленников конкурировать с монастырской продукцией, которая не облагалась налогом, постоянное давление церкви и моральное разложение духовенства – вот те факторы, которые сыграли решающую роль в начале XVI века в развитии Германии.

Быстрый прирост населения вызывал рост цен на продовольственные товары, снижение платы за труд и обострение социальных противоречий во всех сферах жизни. Князья и церковная верхушка все более усиливали давление на подвластных им крестьян, постоянно увеличивая налоги. Они действовали так не только потому, что нуждались в покрытии своих все увеличивающихся расходов при дворе, а еще и потому, что были вынуждены мириться с ростом налогов на поддержание централизованной власти империи, на содержание судопроизводства, а прежде всего, на вооружение против постоянно угрожающей Турции [10: 86].

В политическом плане германская империя к началу Нового времени представляла собой самое большое государственное объединение Европы, но она отнюдь не была единым централизованным государством в современном значении этого слова – каковыми уже сформировались к тому времени Англия, Франция и Испания [10: 87]. Она представляла собой довольно непостоянное объединение более или менее самостоятельных образований в виде княжеств, дворянских сословных имений и больших и малых городов.

Состав рейхстага, который созывался на нерегулярной основе как центральный орган управления государством для законотворчества, налогообложения и управления на всех уровнях, отражает федеративное устройство Германии того времени. На самом вершине пирамиды находились семь курфюрстов, наделенных правом избирать главу рейхстага. Среди них был и Фридрих Третий Мудрый – курфюрст Саксонский, представитель одной из самых старых и уважаемых фамилий германских князей, правитель Лютера, который позже сыграл решающую роль в защите Лютера и его дела от недовольства высшего авторитета священной империи – кайзера Карла V, который сыграл заметную роль в истории Германии и Европы в целом.

В 1519 году Карл V в возрасте 19 лет был коронован на престол. В результате цепи династических

браков и смертей он оказался единственным наследником огромной Габсбургской империи, которая в отличие от восточных европейских монархий не обладала «национальной» династией. Для габсбургского наследника Карла V германо-римская империя, коронованная им, была очень важна, однако в культурном плане Нидерланды и Бургундия, где он воспитывался, были ему ближе. По этим же причинам и Испания, в которой он женился и проживал между 1521 и 1540 годами, значила для него больше, чем Германия, чей язык он так и не выучил и чей народ с его образом жизни оставался ему чужим. Эти противоречия были усилены и влиянием его итальянского канцлера Меркурио де Гаттинара, а именно его идеи о главенстве Италии – в противовес Германии – в новой объединенной империи [10: 87]. Путь к осуществлению этих замыслов лежал через низложение Франции, которая всегда составляла оппозицию Габсбургам. Этот затяжной конфликт, с одной стороны, отвлекал Карла V от реализации решающего крестового похода на Османскую империю, которая представляла вечную угрозу с Юга, а с другой стороны, изматывающая борьба против Франции не давала сосредоточиться на внутригерманских проблемах. Таким образом, постепенно создавался вакуум власти в германском рейхе, что сыграло в пользу Реформации уже на первом этапе.

После 1543 года Карл V, руководствуясь политическими соображениями, наконец, обратил свое внимание на Германию и сосредоточил в ней всю свою власть, чтобы сломить оппозицию княжества и создать монархическое централизованное государство в духе лучших западных традиций. Но было уже поздно: политические противники кайзера объединились с религиозными протестантами, и этот процесс означал, как выяснилось позднее, начало Реформации в Европе.

Церковная жизнь в Германии

Необходимо остановиться на том, что представляла собой церковная жизнь в Германии до появления Мартина Лютера на исторической арене. К началу XVI века стало очевидным, что христианская церковь переживает кризис и нуждается в реформах. Её юридическая система основательно прогнила, а нравы духовенства давно уже приводили в смущение паству. В Германии в это время лишь один приход из 14-ти имел постоянно проживающего в нем священника. Многие назначаемые Папой епископы не считали нужным даже присутствовать на службе во вверенных им соборах [9]. В отношении морали и нравов церковь подавала своей пастве самый дурной пример. Не говоря уже об утрате духовности, церковь просто погрязла в корыстолюбии, коррупции, безнравственности. Но самое главное – она потеряла из виду свое интеллектуальное наследие – истинное учение божье, изложенное в Библии.

Это положение дел очень ярко охарактеризовал Лютер в своем Открытом письме папе Льву X:

«Я воистину презрел ваш престол, Римскую курию, которая является более развращенной, чем любой существовавший когда-либо Вавилон или Содом, – этого не можете отрицать ни вы, ни кто-либо другой, – и которая, как я вижу, характеризуется полнейшей испорченностью, безнадежностью и печально известным безбожием. ... Всем совершенно ясно, что Римская католическая церковь, некогда святая из церквей, превратилась в самый безнравственный вертеп разбойников, в наипостыднейший бордель, в царство греха, смерти и преисподней. Это столь отвратительно, что даже сам антихрист, если бы он пришел, не смог бы ничего добавить к этому злу» [4].

Плачевное положение церкви в начале XVI века свидетельствовало о том, что утрачены духовные ориентиры – христианская доктрина и этика, а без их возрождения невозможно «излечить» церковный институт. Увеличение числа образованных мирян еще более способствовало критике церкви, утратившей свой авторитет, а с ним и возможность соответствовать повышающимся духовным требованиям [4]. Церковное «благочестие» позднего средневековья, как нам демонстрируют художественные свидетельства того времени, носило характер довольно далекой от аскетизма жизни – во всех ее проявлениях. Господствовали тенденции грубого овеществления церковных таинств. Священная борьба за вечное спасение шла рука об руку с откровенной коммерциализацией церковных практик.

На этом фоне росла жажда реформ в монастырях, церквях, в кругах гуманистов в университетах. Сама же римско-католическая церковь, еще более утвердившая свое величие в эпоху Ренессанса, и украсившая свои храмы великолепными творениями мастеров той эпохи, была мощным препятствием на пути назревших проблем. С другой стороны, Германия, не имевшая сильной монаршей руки, была не защищена от папского произвола. Однако передовые слои населения уже подспудно понимали, что огромные средства, которые можно было бы вкладывать в развитие зарождающихся производств внутри страны, идут на поддержание роскоши и блеска римской курии. Надо сказать, что критика римской церкви существовала еще в раннем средневековье, но теперь – в начале XVI века, она особенно усилилась в Германии: хор из насмешек гуманистов, народных пророчеств и предрассудков, горьких

жалоб угнетенных – звучал все громче. Почва для выступления Лютера была готова.

Радикализация ситуации

Нежелание церкви вводить реформы, а по большому счету, их блокировка, с одной стороны, с другой же, сильные антиримские настроения среди германского населения – вот почва, на которую вступил Лютер, вооруженный своими 95 тезисами, которые он вывесил на дверях виттенбергской церкви 31 октября 1517 года. Он предложил их к обсуждению и готов был защищать перед любой аудиторией. Этот его жест очень знаменателен, так как сделал ситуацию к какой-то степени необратимой. Именно потому, что в самом начале борьбы Лютер не только подверг жесточайшей критике современную ему римско-католическую церковь, но противопоставил ей истинную, подлинную церковь, основанную на учении Бога, единственно верного – изложенного в священном писании. Известная фраза Христа «Отдавайте кесарю кесарево, а божие – богу!» символизирует, прежде всего, то, что «учение Христа призвано открывать божественные истины» [5: 223], а не определять поведение людей в мирской жизни. Лютера возмущало, что церковь взяла на себя миссию руководства и пасторства во всех сферах человеческой жизни – притом, что сама давно утратила святость.

Уже первые заявления Лютера стали не только критикой церкви и призывом к ее реформации, а долгосрочной программой преобразования церкви вообще – в смысле ее влияния на человеческую культуру. Ключом к этому утверждению Лютера как пророка стала его теологическая платформа, в которую он фактически заложил все будущие перспективы католиков и дальнейшее влияние всего этого переустройства на судьбы общества и культуры в Европе. Это далось ему нелегко. Однако существует и другая, более прозаическая сторона: например, когда Лютер в 1527 году предпринял серию так называемых «визитаций» в приходы, уже ставшие евангелическими, он был поражен невежеством не только прихожан, но и их пастырей. Лютер моментально садится за работу и в результате снабжает прихожан Малым Катехизисом, а их пасторов Большим Катехизисом, где дает подробное и понятное толкование Десяти заповедей, молитв «Отче наш» и «Символ веры», а также излагает сокровенный смысл двух главных таинств – крещения и причастия.

Мартин Лютер родился в 1483 году в Эйслебене в семье крестьянского происхождения. Его отец владел небольшим горнорудным предприятием в Мансфельде. По желанию отца Мартин должен был стать юристом и уже начал учебу на юридическом факультете, когда внезапно в 1505 году он резко изменил свой жизненный путь, вступив в ряды строгого ордена августинцев-эремитов и принял сан священнослужителя. Он начинает изучать теологию и в 1512 году получает место профессора преподавания Ветхого и Нового завета в университете в Виттенберге, которое он занимал вплоть до своей смерти в 1546 году. Знал ли Лютер, сколько противоречий и какая борьба ждет его на выбранном пути?

Чтение Библии и толкование ее перед студенческой аудиторией постепенно приводит Лютера к серьезным раздумьям по поводу миссии Христа. Шаг за шагом он словно «демонтирует» стройное здание Священного Писания, видя множество несоответствий между благочестивым духом священной книги и реальной церковной жизнью [10: 87]. Его волнует вопрос справедливости господней по отношению к человеку: сам он – как безупречный монашествующий – все же не мог обрести покой в своей келье. Он полагал, что был таким же грешником в глазах Господа, как и любой другой, точно так же мучился угрызениями совести. В чем же справедливость Бога? И как любить этого Бога? На эти терзания, связанные с теологической борьбой, у Лютера ушла, фактически, вся жизнь: только за год до смерти его осенило прозрение. Читая послание апостола Павла к римлянам, он вдруг понимает откровение божье: справедливость и милость божья нисходит лишь на того, кто *безоговорочно верит*. Только на путях веры можно понять, что значит высшая справедливость, спасение: «Праведный живет верой» – так написано в Священном Писании. С этого момента, как признавался Лютер, ему как будто открылись врата в небеса, и само Священное Писание явило ему новый смысл [10: 88].

Это очень важное положение, так как в нем содержится основной теологический принцип церковной доктрины Лютера – *sola fide* (оправдание только верой). Впервые Лютер изложил его в своем памфлете «О свободе христианина»:

«Однако, если вы хотите молиться, поститься или же положить основание в церкви, я советую вам быть осторожными, чтобы не делать этого с мыслью о том, что вы получите какую-то выгоду, будь она преходящая или вечная, ибо в этом случае вы повредите своей вере, которая лишь одна предлагает вам все это. Единственная ваша забота должна заключаться в том, чтобы вера могла возрастать – будь это в делах или в страданиях» [6].

Если и можно трактовать религию как инструмент помощи в делах земных – особенно тех важных делах, в которых «человек совершенно себе не доверяет» [1: 221], то новая доктрина Лютера готовит

абсолютно иное видение предназначения бога в жизни человека – от последнего требуется только вера, а любые сомнения и колебания означают ее недостаток.

«Каждая религиозная система содержит в себе зародыш практического, рационального, какой бы возвышенной, «не от мира сего» она ни казалась», – писал Макс Вебер [2: 294]. Что же касается прагматической составляющей протестантизма, то она минимальна, если вообще определяема. И здесь решающим фактором во многом оказался именно характер самого Лютера и его видение «нового христианина» на фоне разложившейся римской католической церкви.

В протестантизме коренным образом меняется статус человека по отношению к Богу: отсутствие уверенности в божьей милости и спасении души, обреченность в смысле полного доверия решения Бога, каким бы оно ни было, невозможность даже исповедоваться, чтобы снять «камень с души» – все это, с одной стороны, свидетельствует о «дегуманизации» церкви в ее лютерантском обличье, но с другой стороны, способствует развитию рационалистического секулярного мышления, которое мы называем теперь «европейским». Все эти последствия реформаторских идей Лютера еще воплотятся в европейском этосе.

В 1517 году Лютер восстает против торговли индульгенциями, которая расцвела пышным цветом в Европе с одобрения папы: необходимо было собрать денежные средства на строительство базилики св. Петра в Риме. Странствующие монахи предлагают отпущение грехов любому покаявшемуся, кто способен приобрести индульгенцию – за себя, за своих близких, даже за души тех, кто находится в чистилище. Лютера возмущает более всего то, что папа посредством индульгенций берет на себя функцию Бога отпускать грехи за деяния, которые ему неизвестны, и отменять наказания, которые не им наложены. Это не просто извращает сущность церковного института, но в корне подрывает устои веры вообще. Лютер выступил открыто в свойственной ему манере и натолкнулся на яростное сопротивление церкви.

Однако уже к этому времени он убедился в том, что чем ожесточеннее папский Рим воспринимает его обвинения, тем больше сторонников он обретает у себя на родине. Таким образом, радикализация ситуации стала играть ему на руку. Однако вряд ли кому-либо в то время было понятно, что борьба Лютера ведет не только к расколу внутри католической церкви, но к созданию другой церкви на совершенно иной теологической основе. В сложившейся ситуации в 1518 году Рим начинает открытый процесс против Лютера, однако затем он был приостановлен почти на полтора года на основании чисто политических причин. Папа Лев X искал дружбы и поддержки саксонского курфюрста в игре против Габсбургов, а именно, против Карла V как кандидата на выборах кайзера в 1519 году. Этому предшествовал допрос Лютера папским легатом Томасом Каэтаном де Вио, который состоялся в 1518 году в Аугсбурге и закончился ничем, так как Лютер отказался отвечать на вопросы и составил апелляцию в Рим, потребовав «лучшей информированности Папы» [10: 89].

В 1520 году последовали три пламенных памфлета Лютера: «О свободе христианина», «К христианскому дворянству немецкой нации», «О вавилонском пленении церкви». В них он не просто клеймил папскую церковь за измену изначальному слову и учению Божию – с этой критикой извращенного гуманизма было покончено, и окрепший Лютер объявил Папу римского антихристом.

Письмо Лютера «К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства», написанное в конце июня 1520 года и опубликованное в августе (до конца 1520 года выдержало 13 изданий), содержит 27 «советов» по переустройству религиозной и светской жизни общества. Письмо адресовано Лютером «Досточтимому господину Николасу фон Амсдорфу, лиценциату Священного Писания и канонику в Виттенберге, моему самому близкому другу» и содержит подробную и тщательную критику современного состояния римской католической церкви. Лютер начинает свое послание словами, что «время молчания прошло» и обыгрывает немецкую поговорку: «Если в мире затевается что-то, то при этом должен находиться монах», что подтверждает мысль о важности церковных реформ и участия церкви во всех делах общества. Однако после небольшой преамбулы в тексте появляется другой адресат, который является, без сомнения, главной целью Лютера: «Пресветлейшему, могущественнейшему Императорскому Величеству и христианскому дворянству немецкой нации». Основная мысль Лютера отражена в заглавии его произведения: «об исправлении христианства»:

«Немалым позором для всего христианства является то, что в Риме так оскорбительно обходятся с верой. Если бы у них было меньше богатств и роскоши, они могли бы больше учиться и молиться, чтобы стать достойными и способными к решению дел, касающихся веры. Ведь такими они были в старые времена, когда стремились быть епископами, а не королями всех королей» [8].

В изложении своих соображений Лютер постоянно ссылается на Библию: вся критика

современной ему римской католической церкви зиждется на сравнениях действительного положения дел и высказываний святых, апостолов, Христа в этом отношении. При этом он демонстрирует непревзойденный талант аналитика и стратега, железную логику изощренного мыслителя-схоласта и благородную стойкость гражданина своей страны, а не просто монаха. Каждый из 27 критических пассажей содержит наставления, как следует изменить положение дел – с обязательными и подробными ссылками на Библию: «Ведь Христос, как свидетельствует святой Петр (1 Пет. 5) назначил в своей церкви не тиранов, а пастырей» [8].

Противостояние Лютера обвинениям из Рима

В результате этих событий к 1520 году Лютер стал для Рима символической фигурой в смысле германского сопротивления. В это время он уже открыто призывает своих земляков не подчиняться римской курии: «Так очнитесь же, дорогие немцы! Давайте бояться Бога больше, чем людей, чтобы мы не оказались виновны в гибели всех тех бедных душ, что сгинули в результате позорного дьявольского правления римлян!» (перевод автора) [10: 89]. Это был призыв не только к «простому народу», но и к политической власти Германии, тем более что в Германии светские власти – сам кайзер, князья и городское управление – всегда участвовали в конфликтах, связанных с церковью – таков был веками установленный порядок. В этом смысле, объявленный Папой еретик (с Лютером это случилось в начале 1521 года) должен был предстать и перед светскими властями для утверждения решения Папы. Но к этому времени страсти уже накалились в полную силу: политические власти не имели единодушия по вопросу о виттенбергском еретике, а главное, на его сторону встал курфюрст Фридрих III саксонский, который сам не был лютеранином, однако сумел, используя всю свою изящную саксонскую хитрость, дать своему гражданину, выражаясь современным языком, политическое убежище. Он приказал своим людям «похитить» Лютера и поместить его в надежное укрытие, причем знать об этом он «не хотел», чтобы не солгать кайзеру в случае, если тот спросит об этом. Таким образом, Лютер оказался в отдаленном замке в Вартбурге, где использовал свое заточение для перевода Библии на немецкий язык.

В это время вновь избранный кайзер Карл V прибыл из Испании в Германию на свой первый рейхстаг. Накануне войны с Францией кайзеру невыгодно было портить отношения с германскими князьями. Однако необходимо было рассмотреть решение Рима на уровне светских властей в Германии, поэтому на съезде в Вормсе он предложил компромиссное решение по делу виттенбергского монаха. Лютер должен был «не без допроса» предстать перед правовым сообществом, но не с целью проведения дискуссии с ним, а для того, чтобы отказаться от своих еретических заявлений. 18 апреля 1521 года Лютер предстал перед съездом в лице кайзера и высшего собрания рейха. Он использовал столь высокую трибуну для того, чтобы в очередной раз отказаться отзываться свои заявления. Вот его пламенная речь:

«Власть Папы своими наивреднейшими учениями и самыми отвратительными примерами разорила и испортила христианский мир. Потому что никто не будет оспаривать или отрицать, что из-за законов и учения Папы совесть верующих христиан истомлена и истерзана самым ужасным образом. Если не убедит меня Священное писание и ясный рассудок, то убедит меня Священное писание и моя совесть в слове божьем не даст мне отказаться [от моих слов], потому что тяжело, непростительно и опасно действовать вопреки совести. Да поможет мне бог, аминь!» (перевод автора) [10: 90].

Тем самым была подведена черта в противостоянии Лютера и его сторонников, с одной стороны, и высшими политическими авторитетами с другой. Этот кризис авторитарной власти означал начало Реформации как движения, которое уже необратимо влекло за собой новые политические и социальные отношения в обществе – сначала в германском, а затем и по всей Европе. И это новое политическое и социальное «измерение» общества вышло теперь на первый план, его уже нельзя было ограничить рамками религиозного конфликта. С этого момента Германия вступила на путь борьбы самых разнообразных сил и сторон в обществе, как будто рухнула плотина, поддерживающая в более или менее устойчивом состоянии некое равновесие, и теперь всё и вся поднялось на борьбу, длившуюся все следующее столетие. Так уж было устроено общество XVI столетия, что малейший конфликт в церковной среде сразу же находил отклик в светском измерении, а церковные изменения влекли за собой заметные реформы во всем социальном пространстве. На этот раз речь шла не о мелком конфликте, а о «революции» в церковном мировоззрении, поэтому не осталось ни одного элемента в государстве, не затронутого этой волной.

Последствия кризиса. Крестьянская война

Этот реформаторский кризис достиг своего апогея в Крестьянской войне 1524–1525 годов. Среди крестьян давно уже зрели настроения недовольства увеличением гнета и поборов со стороны князей и знати, уменьшением доли владений общественного пользования (леса, водоемы для охоты и рыбалки).

Теперь в лице Лютера крестьяне обрели своего идеинного вождя, а в его памфлете «Свобода христианина» – теоретическое подтверждение своих чаяний, усиленное обоснованиями из Священного писания. Это еще более радикализовало их заявления, и в свой манифест они добавили требование выборов священника общиной и «чистую» проповедь из евангелия.

Нельзя сказать, что Лютера не беспокоили крайне радикальные настроения крестьян: он и его сторонники еще до начала крестьянского бунта искали путей сближения с властями, чтобы избежать радикальных изменений и лишнего хаоса при формировании новых евангельских общин [10: 90]. Теперь же такие деятели-предводители крестьянства, как Томас Мюнцер (1489/90–1525) стали реальной угрозой делу Лютера, так как могли погрузить всю страну в хаос на долгий период времени, так что ни о каких реформах можно было и не мечтать. Тогда Лютер издает свое знаменитое «Открытое увещание ко всем христианам воздержаться от смуты и мятежа» [7]. Главная мысль этого произведения: участвовать в мятеже, значит порочить Священное Писание, потому что все «да будут покорны властям».

Томас Мюнцер резко критиковал сдержанную позицию Лютера относительно сопротивления властям. Если Лютер отвергал такое положение дел, то Мюнцер яростно отстаивал право угнетенных на насильственное свержение угнетателей любыми сколь угодно жестокими методами. Последний собрал огромное количество сторонников под знамена своей христианско-социалистической утопии, особенно на юге Германии и в Тюрингии. Его программа была в целом намного более радикальной, чем общие требования крестьянского войска. Наконец, в марте 1525 года был обнародован манифест «12 статей крестьянства», центральным пунктом которого была провозглашена свобода крестьян от их вековых угнетателей.

Позиция Лютера отнюдь не объясняется его гуманистическим подходом к событиям крестьянской войны, хотя он и призывал поначалу обе стороны – дворянство и крестьян – отказаться от жесткого противостояния и пойти на уступки во имя всеобщего мира. Однако бунты и мятежи не стихали, и тогда Лютер обратился к дворянству с призывом утопить крестьянское восстание в крови. Его, как хитрого политика, волновало другое. В ходе этой борьбы постепенно сложилась идея о связи крестьянского восстания с делом Реформации. Будет ли означать поражение крестьянского бунта также и поражение идей реформации? Этот вопрос не мог не возникнуть в умах многих сражающихся по обе стороны баррикад. Являясь опытным стратегом, Лютер поспешил откеститься от идеалов крестьянства во имя дела Реформации: в своем очередном воззвании и в своих выступлениях он радикально отделил дело Реформации от бунтов на социальной почве.

Тем самым он уже поставил себя на сторону властей, которые боролись с крестьянским восстанием, а значит, и определил дальнейшее течение процессов Реформации – с помощью властей и с опорой на власти. В этой связи вызывает удивление тот факт, что Лютер, имея такой непреклонный характер и железную волю и решительность, долгое время настаивал на «духовном» мятеже в противовес «телесному», то есть отстаивал мирные методы борьбы. Однако это объясняет его способность стратегически мыслить в любой ситуации и неуклонно проводить свою политику.

Таким образом, был положен конец реформаторскому движению как «народному», и в последующие десятилетия во всех евангелических общинах успешно осуществлялось сотрудничество теологов-реформаторов с властями. Тем самым, Лютер изменил своему первоначально заявленному лозунгу о том, что обновление церкви должно идти «снизу» – из самих коммун и общин прихожан. Вместо этого в практику вошла система образования евангельских церквей «сверху», причем часто князья назначались властями на пост епископа, а секуляризация церковных владений (передача их светским субъектам) еще более усиливала княжеское сословие [10: 90].

Вплоть до 1529 года Реформация привлекала под свои знамена многих сторонников из числа князей и горожан, которые делились на отдельные течения и партии в зависимости от толкования тех или иных основ предложенной Лютером новой теологии протестантской веры. Так, цюрихский реформатор Хульдрих Цвингли (1484–1531) пользовался большим влиянием на юге Германии. Движение анабаптистов, объявивших себя единственными реализаторами истинной идеи христианства и жестоко преследовавшихся властями почти повсеместно, где они появлялись, наращивало, несмотря на это, свой потенциал. Все это время не утихал хор голосов истинных гуманистов и мудрых политиков, которые призывали к поиску компромисса, среднего пути между Римом и Виттенбергом.

Объединение протестантов

С 1530 года протестантские сословия вели переговоры о создании военно-политического союза для защиты от нападков Рима. В 1531 году эти переговоры завершились созданием Шмалькальденского союза во главе с Филиппом Гессенским, призванного защищать евангелическую церковь. Союз очень

скоро окреп и проявил себя как значимая политическая сила: под его знаменами объединялись все больше германских князей и городов империи. Однако история здесь делает очередной крутой поворот. Карл V, одержав несколько побед в войнах против Франции и Турции, обращает свои взоры на внутренних врагов – протестантов. Кайзер направляет свои войска на земли князей-участников Шмалькальденского союза, что приводит к войне (не единственной и не последней в этой связке) и разгрому союза. В 1547 году пал Виттенберг – столица протестантского мира на протяжении 30 лет. Благородство кайзера не позволило воюющим разрушить могилу Лютера в Виттенберге, однако пострадали многие его последователи. В результате этих кровавых событий 15 мая 1548 года был созван рейхстаг в Аугсбурге, на котором провозгласили интерим – пакт о согласии между католиками и протестантами. Согласно ему протестанты вынуждены были пойти на значительные уступки. Надо сказать, что полностью искоренить протестантизм Карлу V не удалось бы ни при каких обстоятельствах: он уже давно стал религией не только знати, но и крестьян и рудокопов. Однако это уже поворот к контрреформации, что, возможно, послужит поводом для написания следующей статьи.

Заключение

Непримиримый борец с римской католической церковью Мартин Лютер задал новое направление духовной жизни, не осознавая в полной мере, как это бывает в истории, к каким последствиям приведет его деятельность. Несгибаемый характер Лютера и его непримиримая позиция в критике римской католической церкви, с одной стороны, а также основательная теологическая программа выхода из кризиса, изложенная в его трудах, с другой стороны, задали направление необратимым процессам переустройства всего германского общества, а затем и соседних европейских стран.

С приходом Реформации, которую вызвало к жизни движение протестантизма, меняется весь уклад жизни – как церковной, так и светской. Необходимо иметь ввиду, что в тех странах, где христианство уже на протяжении многих веков оставалось главенствующей религией и где любой мыслительный процесс двигался только в рамках определенного теологического миропонимания и мировоззрения – в таких условиях любые духовные импульсы вызвали весьма ощутимые последствия в самых разных областях человеческой жизни. Новая протестантская этика с ее жесткой установкой на трансцендентность бога и ничтожность человека вызвала к жизни и новую установку в мировоззрении. Отстраненность и автономность индивида, изменение внешних церковных отпращиваний в сторону аскетизма, снижение эмоциональной составляющей в общении между верующими, а также на работе, в семье и в любых других сферах – все это задавало совершенно иное этическое направление в формировании духовных устоев европейского общества.

Реформация, начавшаяся как мощное религиозное движение, направленное на реформирование учения и организации христианской церкви, привела в результате к изменению всей общественной этики и социальных установок в любой сфере жизни. Начав с пересмотра богословской доктрины и обновления христианской духовности, Реформация в лице Лютера, в первую очередь, – задала направление для изменения ценностных и нравственных критериев. Таким образом, Реформацию нельзя рассматривать как чисто социальный процесс, хотя поначалу теоретической основой для этого процесса послужили именно религиозные идеи. Они всколыхнули все общество и мотивировали всех участников движения без исключения – вне зависимости от их исходных задач и целей, будь то изменение церковных институтов, возрождение духовности в обществе или освобождение от векового гнета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю. М. Человек и Бог, творящие друг друга. М.: Логос, 2003. 407 с.
2. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: Университетская книга, 2016. 656 с.
3. Жан Ж. История письменности и книгопечатания. М.: АСТ-Астрель, 2005. 223 с.
4. Лютер М. Письмо Папе Льву X. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/04.php (дата обращения: 21.12.2019).
5. Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1988. 336 с.
6. Лютер М. О свободе христианина. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/06.php (дата обращения: 21.12.2019).
7. Лютер М. Открытое увещание ко всем христианам воздержаться от смуты и мятежа. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/14.php (дата обращения: 21.12.2019).
8. Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства. URL:

https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/15.php (дата обращения: 21.12.2019).

9. Макграт А. Богословская мысль реформации. URL: <https://www.reformed.org.ua/2/32/10/McGrath> (дата обращения: 21.12.2019).

10. Heinrich Lutz. Die Reformation in Deutschland / Der Grosse Bildatlas zur Deutschen Geschichte. Von Karl dem Grossen bis zur Wiedervereinigung. München, Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, 1991. 296 s.

REFERENCES

1. Antonjan Ju.M. Man and God creating each other. Moscow, 2003. 407 p. (In Russ.).
2. Veber M. Selected. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Moscow, 2016. 656 p. (In Russ.).
3. Zhan Zh. The history of writing and typography. Moscow, 2005. 223 p. (In Russ.).
4. Luther M. Letter of Martin Luther to Pope Leo X. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/04.php (accessed 21.12.2019).
5. Svencickaja I.S. Early Christianity: pages of history. Moscow, 1988. 336 p. (In Russ.).
6. Luther M. On the Freedom of the Christian. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/06.php (accessed 21.12.2019).
7. Luther M. An Earnest Exhortation for all Christians, Warning Them Against Insurrection and Rebellion. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/14.php (accessed 21.12.2019).
8. Luther M. Address to the Christian Nobility of the German Nation. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/15.php (accessed 21.12.2019).
9. McGrath A. Reformation Thought: An Introduction. Available at: <https://www.reformed.org.ua/2/32/11McGrath> (accessed 21.12.2019).
10. Heinrich Lutz. Die Reformation in Deutschland. / Der Grosse Bildatlas zur Deutschen Geschichte. Von Karl dem Grossen bis zur Wiedervereinigung. München, Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, 1991. 296 p.

REFORM ACTIVITY OF MARTIN LUTHER

**VASILEVA
Svetlana**

*Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University, Department of German
Philology and
Scandinavian studies,
Petrozavodsk, Russian Federation, milorada07@mail.ru*

Keywords:

Reformation
protestantism
Martin Luther
Rome Catholic Church
Pope
Middle Ages
Roman-German Empire
peasant war.

Summary:

The article is concerned with the obtaining of the Reformation process in Europe and Martin Luther's role. To this end a wide palette of life in medieval Germany was examined and several background and consequences of the reform movement in Europe were analysed, considering protestantism as a new direction of spiritual life. The reformation era brought with it not only deep transformations in the area of church and religion, but caused big shifts and far-reaching consequences in political, social and cultural European life. With the establishing of a new religion, a new rationality was brought to life as well, distinctive for western European countries.

УДК 7.046.1

МЕДИЙНЫЕ МИФЫ О КАРЕЛЬСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ И РЕАЛЬНОСТЬ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**СУВОРОВА
ИРИНА
МИХАЙЛОВНА**

*доктор культурологии,
профессор кафедры философии и культурологии,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Российская Федерация,
suvormih@list.ru*

**СКОРОПАДСКАЯ
АННА
АЛЕКСАНДРОВНА**

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры классической филологии и
журналистики,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Российская Федерация,
san19770@mail.ru*

Ключевые слова:

мифология
медийный миф
верификация
комплексная научная экспедиция
культурология
социокультурная ситуация
Карелия

Аннотация:

В статье реализуется цель верификации современных медийных мифов в сравнении с эмпирическими данными, полученными в ходе научно-исследовательских экспедиций по территории приграничной Карелии. Для выявления уникальной специфики социокультурной ситуации приграничья в исследовании были предприняты изыскания в северные и южные районы республики. Поставленные задачи исследования, проблемы истинности медийных мифов о Карелии решались комплексно методами культурологии, философии, социологии, психологии и филологии. В качестве научного инструментария были использованы разработанные учеными анкеты, стандартные и нестандартные опросники, интервью, беседы. Теоретический анализ источников по мифологии выявил два актуальных фактора, влияющих на современный миф. Фактор ремифологизации оценен как универсальный для истории культуры, а фактор дезинформации современных средств массовой информации оценен как уникальный, характерный для современного информационного общества. В ходе камеральной обработки эмпирических данных были выявлены эстетические, аксиологические, экономические, социологические, лингвистические, этнографические, психологические и философские аспекты формирования современных медийных мифов. В результате выяснилось, что современные медийные мифы, претендующие на истинность, коррелируют с реальной действительностью отчасти, что подтверждает сущность мифологии как специфического явления культуры и специфической формы сознания. Помимо этого, медийные мифы, которые связаны с пространством, временем, символом, образом, ценностями верифицированы положительно, а миф, связанный с отношениями между людьми (в данном случае

между россиянами и финнами) верифицирован отрицательно, как относящийся к прошлому, а не настоящему. Сравнение медийных мифов о северном и южном приграничье Карелии показало неоднозначный результат, что свидетельствует о противоречивости социокультурной ситуации в разных районах республики. В свою очередь данный результат подтвердил идею А.Ф. Лосева о том, что миф есть реальность, выражающаяся в поведении людей, в их ценностях и предпочтениях в данное время и в данном месте, а не в отдаленном прошлом и будущем. В итоге в качестве продолжения и углубления исследования поставлена проблема поиска источника мифотворчества в современных средствах массовой информации. Продолжение исследования связано с дальнейшей научно-экспедиционной деятельностью отрядом ученых опорного вуза республики на территории карельской Арктики, восточных и южных районов Карелии.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2019 года

Опубликована: 28 декабря 2019 года

Миф как феномен культуры и результат деятельности человеческого сознания традиционно является предметом научного спора в культурологии, философии, филологии, этнографии, семиотике, лингвистике. Например, филологическое осмысление мифа трактует его, в частности, как основной источник сюжетов и образов (В. Пропп, Ю. Лотман, Е. Мелетинский, О. Фрейденоберг и др.), а с точки зрения истории языка миф воспринимается как синхронное сопровождение становления языка (А. Афанасьев, Ф. Буслаев, А. Потебня и др.).

В истории философии П. А. Флоренский, вступая в спор с Ф. Бэконом, выражал сомнение по поводу осмысленности мифа в принципе [16: 418], а А. Ф. Лосев опровергал кантианский и кассиреровский подходы к пониманию мифа как примитивно-научного построения [6: 396]. По Лосеву, миф есть «живое субъект-объектное взаимодействие, содержащее в себе свою собственную, вненаучную, чисто мифическую же истинность, достоверность и принципиальную закономерность и структуру» [6: 416]. Собственно претензия современного медийного мифа на истинность и является главным предметом данного исследования, которое преследует целью выявление степени истинности и соответствия реальности медийных мифов о карельском приграничье. Теоретическому этапу работы предшествовал эмпирический этап полевых исследований в ходе комплексной экспедиции Гуманитарного инновационного парка ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» по территории северного и южного приграничья Республики Карелия. Комплексная экспедиция проводилась в контексте реализации проекта «Способы сохранения человеческого капитала как актуальная проблема Республики Карелия». Участники экспедиции (историки, филологи, экономисты, культурологи, социологи) к своему исследованию привлекли 377 респондентов на севере Карелии и 284 респондента в южных районах республики из числа местных жителей. Методология включала в себя гипотетико-дедуктивный, сравнительный, аналитический методы исследования и метод верификации в контексте культурологического подхода.

Проблема истинности современных медийных мифов обусловлена двумя факторами. Первый связан с процессом ремифологизации в современной культуре, когда наряду с другими формами общественного сознания «мифологическое мировосприятие увеличивает сферу своего влияния» [10: 3]. Прежде всего, процесс ремифологизации становится возможным в современной культуре не в познавательном, а в эмоциональном и социальном плане. Однако и в этом случае миф становится формой мировосприятия и миропонимания, т.е. выполняет мировоззренческую функцию в современной социокультурной ситуации. В данном исследовании поддерживается философская позиция А. Ф. Лосева, что «мир, в котором мы живем, есть мир мифический, что вообще на свете и существуют только мифы» [6: 395], что можно почувствовать интуитивно. Ведь речь идет о мифе, не как о сказке из далекого прошлого, по поводу которого наши современники заявляют безапелляционно: «В целом, однако, мифология как ступень общественного сознания исторически изжила себя» [7: 647], а о мифе как современном бытии, как о категории жизни, которая отличается конкретной реальностью. Так, по

мнению А. Л. Топоркова, «можно с полной определенностью утверждать: для того, чтобы впасть в мифологию, совершенно не обязательно обладать каким-либо типом мышления. Мифология коренится не в сознании человека, а в его отношении к миру, в системе ценностей, в механизмах социальной регуляции поведения, формах и способах мировидения» [13]. Именно поэтому культурологический подход в настоящем исследовании является наиболее эффективным, ведь он предполагает многостороннее изучение этой реальности с точки зрения социологии, философии, филологии, этнографии, краеведения. Такой комплексный подход позволяет верифицировать гипотезу об истинности мифов о карельском приграничье в современных масс-медиа. Кроме того, обращение одновременно к носителям мифа (жители Карелии) и трансляторам мифа (СМИ) и сравнение их восприятия мифа с фактами действительности (статистические данные, официальные документы, научные исследования, визуальные наблюдения в рамках комплексной экспедиций и т.д.) объективно высвечивает возможные противоречия в содержании мифа и создает основу для более глубокого научного (психологического, философского, культурологического и пр.) анализа природы современного мифа. Поскольку ремифологизация как явление характерно для истории культуры, то данный фактор является универсальным.

Второй фактор, влияющий на проблему истинности мифа заключается в небывалом потоке дезинформации в современных масс-медиа. По наблюдениям Э. Н. Хабибуллиной, «феномен массового сознания неразрывно связан с мифологизацией и манипулированием. Массовому человеку чуждо конструирование собственного мировоззрения, он довольствуется готовыми представлениями, господствующими в обществе или внедряемыми извне. Средствами массовой коммуникации и пропаганды осуществляется деятельность, способствующая дерационализации сознания, результатом которой становится опредмечивание коллективных страхов, ценностная девальвация и личностная апатия» [18: 133]. Такая категорическая оценка современного состояния общества, на наш взгляд, более всего соответствует политической стороне вопроса. «Политическое мифотворчество — одна из социальных разновидностей мифа, наиболее часто употребляемая в целях манипуляции сознанием» [11: 95]. Это стало возможным в массовых масштабах именно сейчас, в эпоху информационного общества, а потому может быть расценено как уникальный фактор современной мифологии. Между тем, культурная сфера, связанная с традицией и исторической памятью, менее подвержена (хотя тоже является очень уязвимой) внешнему влиянию, так как опирается на индивидуальный жизненный опыт и перенятые от предшествующих поколений традиционные культурные ценности. Именно поэтому настоящее исследование обращено, прежде всего, к социо-культурным мифам, которые позволяют определить нравственные и культурные координаты населения карельского приграничья.

Характеристика современной социокультурной ситуации в карельском приграничье (Костомукшский городской округ, Питкярантский и Сортавальский муниципальные районы) основывается на эмпирических данных, полученных с помощью конкретных методов исследования разных наук: фокус-группы по тематическим кейсам (история, социология), стандартные и нестандартные опросники (социология, психология, экономика), описание и интерпретация представлений человека, его реакций и оценок по проблемной теме (лингвистика, психология), интервью (история, социология), анкетирование (социология, экономика), факторный анализ, статистический и нормативный методы (экономика).

Основными характерными чертами социокультурной ситуации на северо-западе и юго-западе Карелии являются довольно-таки полярные позиции: промышленная деградация в отдельных отраслях производства (закрытие горнодобывающих производств в Питкяранте) и активно развивающийся туризм (горный парк Рускеала в Сортавальском районе и рунопевческая деревня Вокнаволок в Костомукшском городском округе), демографический упадок со стабильной динамикой (500 человек в год в среднем за 5 лет с 2014 по 2019 годы в Питкяранте и Сортавале) и дефицит управленческих и профессиональных кадров (146 вакансий на 925 работающих в Костомукшской центральной больнице), активное приграничное сотрудничество с Финляндией и психологическая разочарованность в перспективах развития города и района. Такая противоречивая характеристика, основанная на результатах камеральной обработки эмпирических данных, свидетельствует о сложности и неоднозначности социокультурной ситуации в районах Карелии, удаленных от столицы Петрозаводска (Костомукша — на 490 км, Сортавала — на 247 км, Питкяранта — на 202 км.).

На этом фоне современные масс-медиа активно транслируют определенные мифы о карельской глубинке. Такой интерес оправдан географическим положением Карелии, а конкретно — близостью к финской границе и северной столице, а также богатой историей и оригинальной культурой республики. Современная медийная мифология представляет разнообразие вариантов, среди которых мифы о

«своих и чужих» (мигрантах, конкурентах, социальных явлениях), мифы о современных героях, мифы о прошлом и будущем, мифы о добре и зле, мифы о свободе и угнетении, мифы о страхе и покое.

Первый медийный миф о Костомукше связан с названием города и ведет свою историю с 1892 года, когда финский этнограф Луис Спарре [5] записал со слов местных жителей значение данного топонима: Kostamus (кар.) — *месть, возмездие, расплата*. Этот миф повествует об их легендарном возмездии за набеги соседей, которые сожгли в церкви взрослое население, но оказались утопленными в близлежащем озере молодежью в отместку за жестокое нападение на деревню. Сама легенда с претензией на историческую правду носит мрачный характер, но выражает идею отмщения как героическую доблесть местного населения. Образ сурового времени ярко отражен в этом топонимическом мифе, который активно транслируется современными масс-медиа как пример недобрососедских отношений своих и чужих. Собственно мифологическая тематика «своих и чужих» представлена в современном медийном мифе «Костомукша — город российско-финской дружбы», где финны являются в буквальном смысле «своими» [14]. По результатам опроса и интервью, с такой формулировкой мифа согласились только 23% респондентов, подтвердив это следующими аргументами: «Финны свои, потому что часто бывают в Костомукше», «родственники живут в Финляндии», «строили этот город». 77% респондентов все же считают свой город символом советско-финской дружбы, а не российско-финской; самих финнов признают «чужими», поскольку «у них другой менталитет», «у них другая культура, и другой язык; сегодня финны являются политическими оппонентами; в городе финны демонстрируют асоциальное поведение и невежливое отношение к женщинам; финны не любят Россию; у нас разное прошлое и будущее». Последний аргумент, затрагивающий категорию времени, явно показывает, что созданные когда-то мифы устаревают, переоцениваются и остаются в прошлом как яркий маркер культурной истории города.

С психологической точки зрения очевидна определенная ностальгия костомукшан по советско-финляндскому прошлому, когда они достойно воплощали в жизнь грандиозные планы и были своеобразными миссионерами идеи, а многие явления западной жизни и быта стали доступными для населения в отдельно взятом городе. Здесь же присутствует и определенный мифический феномен чуда, когда в разгар «холодной войны» (70–80-е годы XX века) между двумя политическими и идеологическими системами возник прецедент совместного созидания и бытия. Это было исключением из правил того времени, что стало реальной основой для появления мифа о дружбе. Все же количественные результаты эмпирического этапа исследования дают основание негативно верифицировать данный миф, относя его к устаревшим в современной социокультурной ситуации.

Самым популярным медийным мифом, распространенным в современных СМИ является следующий: «Костомукша — лучший город Карелии» [17]. В мифе явно прослеживается рефлексия опыта и жизненного бытия на уровне социума. В самой формулировке обнаруживается явная претензия не столько на истину, сколько на избранность и превосходство над другими городами республики. Закономерно возникает вопрос о справедливости такой заявки. В защиту истинности мифа выступили 94% опрошенных местных жителей, которые в качестве аргументов привели следующие: «Костомукша — самый молодой город Карелии», «самый чистый город», «в Костомукше находится крупнейшее предприятие Карелии — горно-обогатительный комбинат», «на комбинате самая высокая зарплата в Карелии», «в Костомукше нет ветхого жилья и низкий уровень криминала», «город зеленый, благоустроенный и красивый с развитой инфраструктурой», «город комфортный и безопасный, близкий к Европе». Как видно, в этих аргументах присутствуют эстетические, экологические, географические, экономические и социальные аспекты в защиту истинности мифа. Однако 6% опрошенных полагают, что Костомукша не является лучшим городом Карелии, так как «за последние 10 лет ухудшилось здравоохранение, стали недоступными отдельные медицинские услуги и высшее образование. Также актуальна проблема с транспортным сообщением: при отвратительном состоянии автодороги до города железнодорожное сообщение осуществляется только 2 раза в неделю».

Произведем сравнение аргументов в защиту данного мифа с реальностью, подтвержденной документально в ходе комплексной научной экспедиции. По данным местного отделения ЗАГСа на январь 2019 года в городе постоянно проживает 29871 жителей. По состоянию на 2019 год действительно средний возраст жителя Костомукши составляет 40 лет (по данным издания «Республика» [17]), чего не обнаруживается в статистических данных по другим городам Карелии, которые имеют значительно «старшее» население.

Аргумент относительно комбината «Карельский окатыш» подтверждается статистическими данными, которые говорят, что ПАО «Северсталь», куда входит ГОК, занимает 11 место в рейтинге крупнейших компаний России по объему реализации продукции, а по итогам 2018 года АО «Карельский

окатыш» более чем в два раза увеличил перечисление налога на прибыль в бюджет Республики Карелия. Сумма налога составила более 2,1 млрд. рублей, сообщает пресс-служба ПАО «Северсталь» [3]. Притом, что «по итогам 2018 года в карельский бюджет поступило 24,9 млрд. рублей налоговых доходов» [8] всего, примерно десятую часть этих налоговых поступлений обеспечил «Карельский окатыш», что подтверждает истинность данного мифа. И, несмотря на то, что Костомукша по статусу является моногородом, этот фактор сказывается позитивно на ее развитии.

Если обратить внимание на третий аргумент в защиту анализируемого мифа относительно заработной платы в Костомукше, то она действительно является самой высокой в республике. Для сравнения средняя заработная плата в 2019 году представлена по сведениям экономических отделов местных органов власти: в Костомукшском городском округе — 68 792 руб., в Сортавальском муниципальном районе — 37 810 руб., в Питкярантском муниципальном районе — 36 567 руб., в Кемском муниципальном районе (Арктическая зона) — 52 641 руб.

Относительно эстетических аргументов в защиту анализируемого мифа можно отметить, что в ходе наблюдения, фото и видеофиксации образа города, действительно подтверждается его чистота и особая, по-северному сдержанная красота, сочетающаяся с комфортом. В этом аргументе явно прослеживается особое отношение к топосу — месту, которое формировалось по особому замыслу (советско-финский проект в период застоя и «холодной войны» с Западом), с особенной архитектурой финских строителей (что выделяется на фоне советских безликих штампованных пятиэтажек), которая органично вписана в суровый карельский пейзаж. Таким образом, в общественном сознании костомукшан сформировался сакральный образ своего города, не в смысле божественного, а в смысле уникального топоса, обладающего благодатью. Костомукшане в подавляющем большинстве подтверждают медийный миф о превосходстве своего города по сравнению с другими карельскими городами в прошлом и настоящем, однако будущее города вызывает у них сомнение. Так фактор времени сказывается на резком одномоментном старении населения города, что ведет за собой целый ряд медицинских и социальных проблем. Тем не менее, оценка местного населения и собственные наблюдения в ходе экспедиции позволяют положительно верифицировать данный миф о Костомукше как карельской глубинке.

Резюмируя проведенное сравнение медийных мифов с реальностью северного приграничья Карелии, можно сделать вывод о позитивной верификации половины из них, что свидетельствует об определенном противоречии, которое бытийствует в современных СМИ. В похожей приграничной ситуации, но в более южных широтах было проведено культурологическое исследование на предмет верификации медийных мифов о карельском Приладожье (Сортавальский и Питкярантский муниципальные районы).

Первый медийный миф «Сортавала — город карельского туризма» заявлен на официальном портале Республики Карелия: «Территория Сортавальского горсовета (площадь — 2,1 тыс. кв. км, население — 36,6 тыс. человек) расположена между северным побережьем Ладоги и границей с Финляндией. К ней относится и знаменитый остров Валаам — туристский объект мирового уровня. На сортавальском участке государственной границы находится международный пункт пропуска «Вяртсиля», через который проходит «Голубая дорога» туризма, соединяющая Карелию со странами Фенноскандии. Территорию горсовета пересекают и другие транспортные артерии (водные, сухопутные, воздушные), делающие ее легко доступной с любого направления. Качество дорог сравнительно высокое. В геополитическом плане территория горсовета выгодно отличается от всех других районов Карелии и создает хорошие предпосылки для развития туризма. Туристский потенциал района дополняется живописными природно-ландшафтными комплексами и большим количеством интересных культурно-исторических объектов» [14].

По результатам опроса и интервью местных жителей, 79% респондентов абсолютно согласны с этой позицией, аргументируя ее следующим образом: «в Сортавале много гостиниц разного уровня, богатое историческое наследие, сохранена шведская и финская архитектура, город окружает восхитительная природа». 21% респондентов полагает, что город не является туристическим центром республики, поскольку «город грязный и неухоженный»; «кроме Рускеалы и Валаама показывать гостям нечего», «детский туризм не развит». Достаточно критический взгляд на действительность подтверждается и в ходе наблюдения, видео и фотофиксации на территории Сортавальского муниципального района. Но, в общем и целом, объективно справедливы аргументы обеих сторон, что наводит на мысль о Сортавале как городе становящегося и развивающегося туризма с выгодным геополитическим положением на карте Карелии. Это подтверждается фактами: на территории района функционируют 5 музеев и выставочных центров, 5 туристических агентств, 15 гостиниц, 28

ресторанов и кафе. По данным местных властей в 2017 году «Общая сумма финансирования кластера составляет 2,7 миллиарда рублей. Из них инвесторы вложили 1,9 миллиарда, 660 миллионов — федеральный бюджет, еще 160 миллионов — республиканский. Кластер представляет собой сеть центров туристической активности, находящихся в паре часов пути друг от друга. Это 10 туристических центров в пяти районах республики: Лахденпохском, Сортавальском, Питкярантском, Олонецком и Прионежском. В стадии строительства находится более 70 объектов инфраструктуры, 43 уже введено в эксплуатацию. До 2025 года в «Южную Карелию» планируют вложить больше 5 миллиардов рублей» [1]. Таким образом, можно предположить, что данный миф есть своеобразная проекция в будущее Сортавалы, а потому его верификация возможна в перспективе.

Второй медийный миф о южной Карелии, а конкретно о Питкяранте, представлен, например, в медийном пространстве блоггера Светланы Стальмаковой: «Самое красивое место в Питкярантском районе — это водопады и Ладожские шхеры» [12]. В самой формулировке мифа явно прослеживается отсылка к эстетической ценности красоты, однако есть и своеобразное скрытое сравнение памятников природы и культуры не в пользу последних. Этот миф тесно сопряжен с другим, пожалуй, самым растиражированным в СМИ мифом о небывалой природной красоте Карелии. В данном контексте природа выступает как привлекательный образ и как визуальный символ Карелии. Собственно приладожские водопады и ладожские шхеры, как часть карельской природы организуют пространство не столько эстетического наслаждения, сколько пространство специфического уединения, отрешенности, саморефлексии. Это важный для современного человека момент единения с вечной природой на фоне скоротечных событий высокоритмичной городской жизни. Не случайным оказался и результат опроса и интервьюирования местных жителей по поводу истинности данного медийного мифа: 100% респондентов согласны с ним, что позволяет сделать вывод о его полной верифицируемости.

Таким образом, самые популярные медийные мифы о южном приграничье Карелии на проверку оказались истинными в большей мере, нежели мифы о северном приграничье. Анализируя результаты верификации, можно обратить внимание, что мифы, которые связаны с пространством, временем, символом, образом, ценностями верифицированы положительно, а миф, связанный с отношениями между людьми (в нашем случае между россиянами и финнами) верифицирован отрицательно, как относящийся к прошлому, а не настоящему. В ходе анализа современных медийных мифов о карельской глубинке удалось не только их проверить на истинность, но и подтвердить основные положения теории мифа по Лосеву:

1. «Миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел, но — логически, т.е., прежде всего, диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще» [6: 457]. Каждый из рассмотренных медийных мифов имеет непосредственное отношение к реальному бытию в Карелии или сознанию наших современников: конкретному месту, событиям, времени.

2. «Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность» [6: 457]. В подтверждение этого положения можно привести пример мифа о Костомукше как лучшем городе Карелии, где предполагаются вполне конкретные вещи: благоустройство, заработная плата, комфортное жилье и т.п. В аргументации мифа о Сортавале как центре туризма также присутствуют конкретные вещи: архитектура, природа, гостиницы, что вполне ощутимо и реально.

3. «Миф не есть научное построение, но — живое субъект-объектное взаимодействие, содержащее в себе свою собственную, вненаучную, чисто мифическую же истинность, достоверность» [6: 457]. Действительно, ни одна из формулировок проанализированных нами мифов не претендует на научность: «Костомукша — город российско-финской дружбы, где финны являются в буквальном смысле «своими», «Костомукша — лучший город Карелии», «Сортавала — город карельского туризма», «Самое красивое место в Питкярантском районе — это водопады и Ладожские шхеры». Тем не менее, большинство этих самых распространенных медийных мифов о карельской глубинке отражают, как выяснилось в ходе нашей верификации, объективную реальность, зафиксированную в фактах и цифрах, а также подтверждаются в ходе опроса общественного мнения и интервью.

Всем этим трем тезисам А. Ф. Лосева, детализирующим понятие мифа, вполне соответствуют представленные нами современные медийные мифы. Оказалось, что, не противопоставляя миф науке (как это принято в европейской традиции), можно ощутить, прочувствовать и понять ту реальность, которая нас окружает во всем многообразии аспектов: эстетических, аксиологических, экономических, социологических, лингвистических, этнографических, психологических и философских, что позволяет сделать заявленный нами культурологический подход. В контексте полученных результатов логичным

становится выяснение источника современного мифотворчества на уровне транслятора (СМИ) и носителя (население), что является проблемой следующего нашего исследования.

Опыт комплексной научной экспедиции ученых Петрозаводского государственного университета в 2019 году показал, что мировосприятие и миропонимание на уровне мифов оказывается доминирующим в современном информационном обществе, что необходимо учитывать ученым разных направлений гуманитаристики в анализе мировоззрения наших современников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батов А. Еще одна попытка развития туризма в Карелии: бьем по площадям // Информационное агентство Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/society/2282173.html> (дата обращения: 18.06.2019).
2. Гудков Д. Б. Лингвистический миф в национальной мифологии // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 1. С. 79–85.
3. «Карельский окатыш» перечислил в бюджет Карелии 2,1 миллиарда рублей по налогу на прибыль // Информационное агентство «Республика». URL: <http://rk.karelia.ru/ekonomika/karelskij-okatysh-perechislil-v-byudzhnet-karelii-2-1-milliarda-rublej-po-nalogu-na-pribyl/> (дата обращения: 18.06.2019).
4. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический проект, 2006. 448 с.
5. Леонтьев П. Р. Костомукша. Петрозаводск: Карелия, 1990. 125 с. (Города и районы Карелии).
6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. 655 с.
7. Мелетинский Е. М. Мифология // Новая философская энциклопедия / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд М.: Мысль, 2010. Т. 2. 636 с.
8. Об итогах поступления налоговых и неналоговых доходов в бюджет Республики Карелия за 2018 год // Официальный сайт Министерства финансов Республики Карелия. URL: <http://minfin.karelia.ru/ob-itogah-postuplenija-nalogovyh-i-nenalogovyh-dohodov-v-bjudzhnet-respubliki-karelija-za-2018-god/> (дата обращения: 18.06.2019).
9. Осаченко Ю. С. Методологические априоры теоретической мифологии: между Сциллой демифологизма и Харибдой ремифологизма // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 62–67.
10. Райкова О. А. Древнегреческий миф классической эпохи: дис. ...канд. филос. н. Томск, 2012. 129 с.
11. Ситникова Т. А. Эстетический контекст мифологизации политического образа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 4 (36). С. 95–98.
12. Стальмакова С. Самые красивые и интересные места Карелии: TOP-10 // Блог Светланы Стальмаковой «Прогулки за вдохновением. URL: <https://prowalk.ru/samye-krasivye-interesnye-mesta-karelii/> (дата обращения: 18.06.2019).
13. Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 18.06.2019).
14. Туристский информационный портал. URL: http://kostravel.ru/photogalereja/4668/gallery_4836/ (дата обращения: 18.06.2019).
15. Туристский потенциал: город Сортавала // Карелия официальная: официальный интернет-портал Республики Карелия. URL: <http://old.gov.karelia.ru/gov/Power/Committee/Sport/Regions/sor.html> (дата обращения: 18.06.2019).
16. Флоренский П. А. Христианство и культура. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 663 с.
17. Фомина Е. Образ жизни — Костомукша // Информационное агентство «Республика». URL: <http://rk.karelia.ru/pasport-rajona/obraz-zhizni-kostomuksha/> (дата обращения: 18.06.2019).
18. Хабибуллина З. И. Мифологизация массового сознания // Манускрипт. Тамбов: Грамота. 2018. № 12 (98). Ч. 1. С. 129–133.
19. Чельшева И. В. Социокультурное поле медиа: реальность, коммуникация, человек. М.: МО «Информация для всех», 2016. 178 с.

REFERENCES

1. Batov A. Another attempt to develop tourism in Karelia: hit the squares // Regnum News Agency. Available at: <https://regnum.ru/news/society/2282173.html> (accessed 18.06.2019).

2. Gudkov D. Linguistic myth in the national mythology // *Bulletin of Moscow State University*. 2009. No 1. P. 79–85. (In Russ.)
3. «Karelian pellet» transferred to the budget of Karelia 2.1 billion rubles in income tax // The news agency «Republic». Available at: <http://rk.karelia.ru/ekonomika/karelskij-okatysh-perechislil-v-byudzheth-karelii-2-1-milliarda-rublej-po-nalogu-na-pribyl/> (accessed 18.06.2019).
4. Kirillova N. *Media Culture: From Modern to Postmodern*. Moscow: Academic project, 2006. 448 p. (In Russ.)
5. Leontiev P. *Kostomuksha*. Petrozavodsk: Karelia, 1990. 125 p. (In Russ.)
6. Losev A. *Dialectic of myth*. Moscow: Pravda, 1990. 655 p. (In Russ.)
7. Meletinsky E. *Mythology* // *New Philosophical Encyclopedia*. Moscow, 2010, Vol. 2, 636 p. (In Russ.)
8. On the results of tax and non-tax revenues to the budget of the Republic of Karelia for 2018 // Official site of the Ministry of Finance of the Republic of Karelia. Available at: <http://minfin.karelia.ru/ob-itogah-postuplenija-nalogovyh-i-nenalogovyh-dohodov-v-bjudzheth-respubliki-karelija-za-2018-god/> (accessed 18.06.2019).
9. Osachenko J. *Methodological a priori theoretical mythology: between the Scylla of demythologism and Charybdis of remythologism* // *Bulletin of Tomsk State University*. 2011. No. 342. P. 62–67 (In Russ.)
10. Raikova O. “Ancient Greek myth of the classical era”: thesis. ... PhD in Philosophy. Tomsk, 2012, 129 p. (In Russ.)
11. Sitnikova T. The aesthetic context of the mythologization of a political image // *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2010. No 4(36). P. 95–98. (In Russ.)
12. Stalmakova S. The most beautiful and interesting places of Karelia: TOP-10 // Svetlana Stalmakova's blog «Walking for inspiration». Available at: <https://prowalk.ru/samye-krasivye-interesnye-mesta-karelii/> (accessed 18.06.2019).
13. Toporkov A. *Myths and mythology of the twentieth century: tradition and modern perception*. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (accessed 18.06.2019).
14. Tourist Information Portal. URL: http://kostravel.ru/photogalereja/4668/gallery_4836/ (accessed 18.06.2019).
15. The tourism potential: Sortavala // Karelia official: the official Internet portal of the Republic of Karelia. Available at: <http://old.gov.karelia.ru/gov/Power/Committee/Sport/Regions/sor.html> (accessed 18.06.2019).
16. Florensky P. *Christianity and culture*. Moscow, 2001. 663 p. (In Russ.)
17. Fomina E. *Lifestyle — Kostomuksha* // The news agency «Republic». Available at: <http://rk.karelia.ru/pasport-rajona/obraz-zhizni-kostomuksha/> (accessed 18.06.2019).
18. Khabibullina Z. *The mythology of mass consciousness* // Manuscript. Tambov, 2018. No 12 (98). Part 1. P. 129–133.
19. Chelysheva I. *Sociocultural field of media: reality, communication, people*. Moscow, 2016, 178 p.

MEDIA MYTHS ABOUT KARELIAN BORDERLAND AND REALITY: CULTUROLOGICAL ASPECT

SUVOROVA
Irina

*Doctor of Cultural Studies,
Professor,
Department of Philosophy
and Cultural Studies, Institute of History, Political and
Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation, suvormih@list.ru*

SKOROPADSKAYA
Anna

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of Classical Philology and Journalism,
Institute of
Philology, Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation, san19770@mail.ru*

Keywords:

mythology
media myth
verification
complex scientific expedition
culturology
sociocultural situation
Karelia

Summary:

The article implements the purpose of modern media myths verification in comparison with empirical data obtained during research expeditions in the territory of the boundary Karelia. In the study researches were undertaken in the northern and southern regions of the Republic to identify the unique specifics of the socio-cultural situation of the borderland. The research tasks of the problem of media myths truth about Karelia were solved by the complex methods of culturology, philosophy, sociology, psychology and philology. Application forms developed by scientists, standard and non-standard questionnaires, interviews and conversations were used as a scientific tool. The theo-retical analysis of mythology sources revealed two actual factors influencing on the modern myth. The factor of remythologization was assessed as universal for history of culture, and the factor of misinformation of the modern media was assessed as a unique, characteristic for the modern information society. The aesthetic, axiological, economic, sociological, linguistic, ethnographic, psychological and philosophical aspects of the modern media myths formation were revealed during desk processing of empirical data. As a result, it became obvious that modern media myths, assumed as a true, are correlated with actual reality partly. It confirms the nature of mythology as a specific phenomenon of culture and a specific form of consciousness. Besides, the media myths associated with space, time, symbol, image, values were verified positively, and the myth associated with the people relationship (in this case between Russians and Finnish) was verified negatively as referring to the past, instead of present. The comparison of media myths about the northern and southern borderland of Karelia showed an ambiguous result, which indicates the inconsistency of the socio-cultural situation in different regions of the Republic. In turn, this result confirmed the idea of A. F. Losev that the myth is a reality which is expressed in the people behavior, their values and preferences at the present time and the current place, but not in the far past or future. Finally, the problem of search of myth-making source in the modern media has been specified as a prolongation and deepening of the research. The prolongation of the research is associated with the further scientific-expedition activity of the scientist team of the supporting Republic University within Karelian Arctic territory, eastern and southern regions of Karelia.

ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ СО СВЕРСТНИКАМИ В ИНВАЛИДНОМ СПОРТЕ

**РАННИККО
АННИ**

*доктор социальных наук,
Университет Восточной Финляндии, факультет
социальных наук,
Йоэнсуу, Финляндия, anni.rannikko@uef.fi*

Ключевые слова:

инвалидность
отношения со сверстниками
спорт
молодежь
Финляндия

Аннотация:

В данной статье анализируются спортивные занятия в свободное время молодых людей с ограниченными возможностями в финском контексте. Молодежь часто проводит досуг со сверстниками, и в этом анализе обращается внимание на потенциальные возможности спортивных занятий для формирования отношений с ними. Прослеживается индивидуальное восприятие спорта инвалидами, который они практикуют вместе с другими молодыми людьми с ограниченными возможностями. Мы пришли к выводу, что в контексте инвалидного спорта отношения со сверстниками часто находятся под наблюдением взрослых. Хотя возможности отношений со сверстниками, которые считаются основной поведенческой характеристикой молодежи, довольно ограничены, занятия спортом для людей с ограниченными возможностями усиливают их готовность к взаимодействию, игре и поддержанию здоровья.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 27 декабря 2019 года

Опубликована: 28 декабря 2019 года

Введение

Мы постоянно играем в разные игры на воздухе. Конечно же, как увлеченный спортом ребенок и молодой человек, я всегда при первой возможности стремился поучаствовать в игре. Просто отправлялся туда, где играют во флорбол, и меня всегда принимали в игру. Не было никаких предрассудков, ведь дети в основном ведут себя довольно открыто. Если тебя хотя бы раз приняли в игру, то и всегда будут это делать.

Спортсмен высокого класса Лео-Пекка Тяхти в интервью новостной программы «Yle» 12 января 2016 г. [13].

На выбор молодежью спортивных занятий большое влияние часто оказывают друзья. Молодой человек увлекается новым видом спорта потому, что им занимаются приятели и перестает им заниматься, когда они бросают его. Участие в спортивных занятиях знакомых и друзей меняет характер спортивных занятий, привнося в них визуальное взаимодействие, совместные действия и признание, но вместе с тем, устанавливая иерархию и различия между участниками. Восприятие спортсменом

высокого класса своего опыта, отраженное в эпитафии к этой статье, известно по ранее проведенным исследованиям отношений между спортсменами. Согласно данным исследования поведение здоровых молодых людей, взаимоотношения со сверстниками вовлекают и выталкивают их из различных видов спорта и придают спортивным занятиям особый смысл. Для описания специфики группового поведения молодых людей Пяйви Берг использует метафору «социальные ноги» [4; 30-39]. Помимо вовлекающих в деятельность взаимоотношений со сверстниками, некоторые участники могут оказывать на них и «выталкивающее» воздействие. Кроме влияния сверстников, на выбор молодых людей могут оказывать влияние родители или семья, которые Берг характеризует как второй компонент «социальных ног».

В спорте велико значение социальных отношений. Эмоции и переживания, связанные с физическими упражнениями, такие как успех, уважение и принадлежность к группе, являются коллективными и связаны с другими людьми. С одной стороны, занимающиеся поощряют и поддерживают друг друга, а с другой – устанавливают между собой конкурентные отношения. Совместно обсуждается опыт упражнений, отмечаются успехи и оценивается эффективность. Преподавание и изучение физических навыков порождает отношения наставничества и руководства [6], а оценки умений и накопленного опыта физических упражнений устанавливают иерархические отношения [12; 81, 8, 9].

Отношения молодых людей с ограниченными возможностями со сверстниками нуждаются в дополнительном изучении. До настоящего времени исследования этих взаимоотношений были почти исключительно сфокусированы на здоровых молодых людях. Тем не менее, очевидно, что отношения со сверстниками также значимы в физической активности молодежи с ограниченными возможностями. «Социальные ноги» действуют и в случае, если молодой человек передвигается в инвалидной коляске. Наличие сверстников для занятий спортом или их отсутствие влияет на выбор спортивной активности молодых людей с ограниченными возможностями даже в большей степени, чем их здоровых сверстников. Участие в занятиях сверстников важно как для возможности участия в них молодых людей с ограниченными возможностями, так и для получения ими спортивного опыта. Кроме того, опыт, приобретаемый во время спортивных занятий молодых людей с ограниченными возможностями и его значимость могут различаться в зависимости от типа социальной среды, в которой они находятся.

Данная статья была подготовлена в рамках исследовательского проекта «Положение молодых людей с ограниченными возможностями в молодежной спортивной культуре (2015-2018 годы)» [Примечание 1]. В нашем исследовании мы стремились предоставить практические данные о конкретных условиях и абстрактных схемах, которые создают возможности занятий спортом для молодых людей с ограниченными возможностями. В статье анализируются данные, полученные методами этнографического наблюдения, интервьюирования и изучения информации, распространяемой в социальных сетях. В фокусе этнографической полевой работы были спортивные лагеря, тренировки и соревнования. В ходе сбора материалов нами также были проведены опросы молодых спортсменов-инвалидов, их родителей, инструкторов, тренеров и помощников, а также организаторов спортивных событий. Для подготовки данной статьи мы использовали и материалы специальных исследовательских групп по футболу, баскетболу, горным лыжам, сноубордингу, скейтбордингу, легкой атлетике, боулингу и дзюдо. Нами проводились наблюдения и интервью с молодыми людьми с нарушениями развития и опорно-двигательного аппарата. В большинстве случаев наше общение происходило один на один, но в некоторых случаях присутствовали родители или помощники. Некоторые спортсмены-инвалиды рассказывали о своих спортивных увлечениях самостоятельно, в то время как другие общались с нами главным образом через своих родителей.

Одним из главных предметов нашего интереса, освещаемых в данной статье, являются социальные отношения молодых спортсменов, отношения между сверстниками. Мы ставим перед собой исследовательский вопрос: что представляет собой равенство у спортсменов-инвалидов, чем оно не является и каковы условия их участия в физической активности в социальном измерении сверстников. Эта возрастная группа рассматривается как социальная структура, в которой молодые люди действительно взаимодействуют друг с другом. Физическая активность молодежи рассматривается нами также как социальное поле и как сеть взаимоотношений, значение которых занимающиеся спортом молодые люди определяют во взаимодействии друг с другом.

Отправные точки для оценки равенства молодежи

Пространство для совместной деятельности молодежи в профильных исследованиях определяется как четвертое пространство. В типологии молодежных (деятельностных) пространств дом является первым пространством, школа или работа – вторым, организованные досуговые мероприятия, такие как управляемый активный отдых, – третьим. Как правило, четвертое пространство

свободно, формально, либо в идеальном случае, от контроля взрослых. Четвертое пространство – это пространство для отношений со сверстниками и молодежной культуры, в котором молодые люди сами определяют способы и рамки общения, поэтому оно представляет особый интерес для исследователей молодежи, изучающих досуг и отношения молодых людей со сверстниками. Конечно, можно усомниться в самой постановке исследовательского вопроса в отношении молодых инвалидов о доступности для них четвертого пространства так же, как и в случае с досугом: ведь для этого требуется, чтобы у них имелись пространства работы или учебы. Кроме того, условием существования этого пространства является принятие решения о проведении досуга самим молодым человеком. В случае с молодыми людьми с ограниченными возможностями эти условия не всегда выполнимы, поскольку многие из них находятся за пределами рынка труда, а их возможность самостоятельно принимать решения можно считать ограниченной [1].

К четвертому пространству спортивного мира обычно относят такие молодежные виды спорта как скейтбординг, паркур или катание на роликовых коньках [11]. Деятельность в большинстве видов спорта, рассмотренных в цитируемой книге [11] и в данной статье, организуется преимущественно традиционным способом. Спортивные клубы или другие ответственные лица, относящиеся к третьему пространству, несут ответственность за организацию тренировок и других практических мероприятий, связанных со спортом. При этих условиях четвертое пространство не может быть создано, так как за эту деятельность обычно отвечает взрослый, а не сверстник. Это не означает, впрочем, что здесь совсем нет места для молодежного взаимодействия, даже если рамки общения определяются взрослыми.

Другой ключевой вопрос – как определяется равенство в этом контексте. Учитывая постановку нами исследовательского вопроса, равенство может быть основано, по крайней мере, на нескольких объединяющих моментах: инвалидности, виде спорта, возрасте, месте жительства или половой принадлежности. Опыт равенства также может возникать из-за совокупного воздействия этих или иных совпадающих различий. Для нас, исследователей молодежи, равенство связано с возрастом и жизненным путем, и в этом случае принадлежность к этой социально-демографической группе является одной из ключевых основ равенства. Таким образом, мы фокусируем внимание на принадлежности объектов нашего исследования к молодежи, но не исключаем равенства по другим основаниям.

Отношения со сверстниками и опыт равенства являются неотъемлемой частью жизни молодежи, и молодые люди с ограниченными возможностями имеют те же права, что и здоровые люди. Эта точка зрения поддерживается теорией готовности к действиям А. Сена и М. Нуссбаум, которая фокусируется на том, что люди могут делать реально и осмысленно. Справедливое общество должно обеспечить всем своим гражданам, по меньшей мере, разумный уровень доступности десяти ключевых видов деятельности, перечисленных в книге М. Нуссбаум [7]. Ключевые возможности включают способность участвовать в отношениях с другими членами общества (*affiliation*), что подчеркивает возможности жить с другими людьми, заботиться, участвовать в социальном взаимодействии и пользоваться обращением как с равным. В молодости эта готовность к действиям может быть реализована именно в опыте равенства. В спортивных занятиях также реализуются такие основные возможности как готовность к игре (*play*), чувства, воображение и мышление (*senses, imagination and thought*), а также телесное здоровье (*bodily health*). Все эти возможности общество должно гарантировать и для граждан с ограниченными возможностями.

Возможности для отношений со сверстниками варьируются среди молодых людей. Вообще говоря, исходные возможности молодых инвалидов отличаются от таковых у здоровых молодых людей, хотя положение и тех и других, в зависимости от принадлежности к разным слоям общества, может отличаться. С одной стороны, инвалидность может означать ограничения на передвижение, барьеры для общения, потерю самостоятельности и подверженность предрассудкам, с другой – участие в жизни сообществ и целевую поддержку, к которым здоровая молодежь не имеет доступа. Антитезой взаимоотношений со сверстниками является опыт одиночества, и среди людей с ограниченными возможностями, особенно с задержками развития, одиночество считается серьезной проблемой. Тем не менее, одиночество людей с ограниченными возможностями мало изучено [14]. По данным одного из региональных опросов о состоянии здоровья и социальном самочувствии, более одной пятой людей с ограниченными возможностями, нуждающихся в специальной помощи, испытывали одиночество довольно часто или постоянно, в то время как среди других респондентов – менее одной десятой [15].

Отношения со сверстниками имеют большое значение в молодом возрасте и могут определять специфику жизненного опыта. Для исследователей молодежных культур отношения со сверстниками особенно интересны потому, что они реализуются преимущественно вне контроля со стороны взрослых.

С одной стороны, общение с равными содержит в себе различные положительные стороны, большой педагогический потенциал и радость совместного обучения [6], с другой – иерархию и закрытость этих сообществ [10]. Ниже мы рассмотрим взаимоотношения молодых инвалидов в сфере физической активности в третьем и четвертом пространствах.

Временные четвертые пространства как арены социализации молодежи

«Ужин в столовой олимпийского многопрофильного спортивного лагеря начинается по расписанию в 9 часов вечера. Спортсмены заходят и выходят из столовой еще до начала ужина. Они знакомы со спортсменами, выступающими в их видах спорта, а также с представителями других видов. В помещении стоит гул голосов, все громко разговаривают друг с другом и с сидящими за соседними столами. Кажется, в лагере зарождаются отношения: баскетболистка и представитель какого-то другого вида спорта, предположительно, парень, обнимаются и целуются. Кто-то говорит, что знает одного из них еще со школы. Заметно, что кое-кто из участников лагеря явно не знает, где присесть, но потом находит себе место подалеже от других» (Полевые записи А. Ранникко) [Примечание 2].

Как следует из приведенной выше цитаты из полевого дневника, спортивные молодежные лагеря для инвалидов с проблемами развития образуют социальную среду, похожую на любой другой молодежный лагерь: молодые люди знают об увлечениях друг друга еще со школы, дружат и вступают в романтические отношения, в этот социум включаются и те, кто предпочел бы наблюдать за происходящим издалека. Наше наблюдение показало, что большую часть времени, которое молодые люди с ограниченными возможностями проводят на тренировках, они находятся под контролем инструкторов, которые задают рамки общения. Приемы пищи в спортивном лагере – одна из немногих ситуаций, когда контроль со стороны взрослых становится менее интенсивным, как мы заметили во время нашей полевой работы.

Пространства для совместной деятельности молодых людей встречаются редко, и мы практически не смогли найти какие-либо функционирующие самостоятельно спортивные сообщества, действующие в специальных залах для спортивных занятий (*do it yourself* (DIY)). Впрочем, можно привести несколько примеров: молодые люди, которые участвовали в тренировках по футболу, рассказали, что они также самостоятельно играют в так называемый парковый футбол, и мы также обнаружили несколько скейтбордистов и инвалидов-колясочников, играющих друг с другом без контроля со стороны. Представляется, что четвертые пространства для физической активности, по-видимому, недоступны большинству молодых людей с ограниченными возможностями. Их формирование затрудняется, прежде всего, большими расстояниями и другими проблемами, связанными с поездками [3]. Согласно исследованиям, большую часть свободного времени люди с ограниченными возможностями проводят вместе с семьей, а не со сверстниками, поэтому неудивительно, что то же самое относится и ко времени, затраченному на тренировки [5].

Согласно нашим наблюдениям, наиболее важные четвертые пространства для молодых людей с ограниченными возможностями находятся на периферии третьих пространств: это те редкие моменты, когда инструкторы и другие взрослые не организуют мероприятия и мероприятия для молодежи. В этих ситуациях молодые люди формируют дружеские отношения и обмениваются информацией со сверстниками:

«В сауне я случайно услышала разговор девушек, у которых брала интервью ранее днем. Они уже знали друг друга по лагерю, но, насколько я поняла, не бывали друг у друга в гостях, потому что живут в разных частях Финляндии. В разговоре обсуждались семьи и родственники, детство и различные события и то, как далеко друг от друга находятся их дома. Разговор носил сердечный и дружеский характер, происходило более близкое знакомство любителей спорта одного возраста.. Девушки говорили о возможности погостить друг у друга, или, может быть, они планировали посетить или остановиться на ночь в домах друг друга. Но возможность осуществления этих планов зависит не от них самих, и им, вероятно, трудно оценить их реализуемость». (Полевые записи А. Ранникко).

«Ты действительно классный», «и ты тоже», – слышно разговор участников спортивного лагеря, когда они идут на последние тренировки». (Полевые записи А. Ранникко).

Такие пространства создаются в редкие для лагеря минуты свободного времени, например, в ожидании собственного выступления или в поездках на соревнования, во время выступления других спортсменов и церемонии награждения. Как правило, эти моменты непродолжительные и преходящие. Взрослые, как правило, быстро прерывают их запрограммированной активностью, как показано в следующем примере:

«В воскресенье все инструкторы и почти все родители готовятся к соревнованиям (измеряют дистанции, длину прыжков, частоту пульса). Некоторые из спортсменов уже прошли проверки и ничем

не заняты. Три матери начинают заботиться об этой группе и перевозят ее в другой конец спортзала, организуя упражнения по толканию ядра. Одна из них показывает, каким должно быть положение рук во время толчка, поэтому речь идет не только об управлении этой деятельностью, но и о тренировке (хотя одна из матерей только что сказала мне: «Мы не тренируем, мы просто помогаем»). (Полевые записи А. Ранникко).

Мы также рассмотрели взаимоотношения со сверстниками, спросив, что молодые люди делают вне тренировок. Многие молодые люди говорили, что вообще не встречаются со своими товарищами по спортивным занятиям в свободное время после их окончания. Тем не менее, некоторые рассказали, что они делают со своими приятелями жилье, кто-то вместе работал, а некоторые из самых младших ходили в одну школу. Таким образом, существуют институциональные рамки для отношений со сверстниками и вне сферы физической активности. Иногда молодые люди занимаются различными делами со своими товарищами по увлечению и вне тренировок, но это происходит относительно редко. В командных видах спорта товарищи по команде могут вместе пойти в кино, заняться другим видом спорта или попробовать совершенно новый вид спорта. Таким образом, «социальные ноги» приводят молодых людей к новым увлечениям со своими друзьями. Особую форму социального общения сверстников представляют собой совместные поездки на автомобиле: на тренировки и в лагеря в этом случае едут вместе, если у одного из них имеются водительские права, что позволяет экономить средства.

Интервьюируемый: Здесь есть представители других видов, я только что обменялся с Тату новостями и, да, здесь всегда можно найти друзей. Я экстраверт, и всегда нахожу друзей. То же самое, что и вне лагеря, но только не с занимающимися аниме. И там есть несколько знакомых.

Вели: Да. С кем приехал в лагерь? На своей машине или по-другому?

Интервьюируемый: Приехал сам, как всегда с одним из друзей из Виханти.

Вели: Так-так.

Интервьюируемый: Оплатил бензин сюда и обратно. Ушло больше 100 евро, кошелек сильно облегчился.

Вели: Да, так и есть. Ты уже знаком с кем-нибудь из этого лагеря?

Интервьюируемый: Да, конечно. Если появляется кто-нибудь новенький, всегда пытаюсь познакомиться, но если попадают скромные товарищи, как один легкоатлет, то я с уважением отношусь к его желанию побыть одному.

(Полевые записи А. Ранникко).

Управляемое взрослыми третье пространство как арена социализации сверстников

Поскольку поиск четвертого пространства оказался трудной задачей, мы сосредоточили наше внимание на организованных спортивных мероприятиях, которые можно рассматривать как элемент третьего пространства молодежи. Согласно нашим наблюдениям, третье пространство является важным пространством социализации для молодых людей с ограниченными физическими возможностями. Во время тренировок они знакомятся с новыми людьми, и для некоторых участников исследования тренировки предоставляли редкую возможность проводить время не с членами семьи или с теми, кто проживает в одном доме. Третье пространство компенсирует отсутствие четвертого пространства. Следующая цитата из интервью с футболистом показывает, насколько важны тренировки с точки зрения социального взаимодействия.

Вели: Ага, окей. Заметил ли ты, что увлечение футболом как-то повлияло на другие стороны твоей жизни?

Футболист: Да, так и есть, приезжает много друзей, здесь больше общения и всего такого.

(Полевые записи А. Ранникко).

В третьих пространствах отношения со сверстниками определяются присутствием взрослых. Формы социализации молодежи во время спортивных тренировок, реализуемые в определяемых взрослыми рамках, обычно связаны с непосредственными действиями. Таким образом, равенство определяется общим интересом к виду спорта, которым занимаются спортсмены-инвалиды. На тренировки ходят для того, чтобы тренироваться, но, по словам тренеров, у которых мы брали интервью, не менее важны радостная атмосфера общения и совместные действия.

Взрослые играют ключевую роль в установлении и поддержании отношений между молодыми людьми. Взрослые с социально-педагогическими навыками создают молодым людям пространство для взаимодействия друг с другом, а также побуждают вовлекать во взаимодействие тех молодых людей, которые не готовы самостоятельно вливаться в коллектив. Многие из опрошенных нами тренеров рассказали, что знакомство молодых людей друг с другом является для них ключевой целью в их

работе, и что они сознательно создают ситуации, чтобы молодые люди познакомились друг с другом. Следующая цитата из полевых записей иллюстрирует это весьма конкретно:

«По инициативе тренеров баскетболистов рассаживают за одними и теми же столами. Сейчас намного тише, чем утром. В лагере инструкторы отвечают и за время, свободное от тренировок, потому что они несут ответственность за участников лагеря за все время его функционирования.

Социализации, свободной от присутствия и руководства инструкторов, не так и много. Кажется, что целью инструкторов является создание условий для знакомства спортсменов, прибывших из разных мест. Для баскетбольной команды это кажется естественным, потому что члены команды примерно одного возраста. Похоже, что участники лагеря сидят за теми же столами, что и утром. Часть баскетболистов самостоятельно уходит в свои комнаты. Инструктор просит их взять с собой еще одного или двух человек и сменить спортивную форму». (Полевые записи А. Ранникко).

Взрослые, работающие с молодежью – инструкторы, тренеры, помощники, а иногда и родители, – играют ключевую роль в разрушении иерархий и обеспечении равного отношения ко всем участникам лагеря. Они несут ответственность за вопросы, связанные с объяснением спортивных занятий для новичков, а также за предотвращение издевательств и, в крайнем случае, урегулирование конфликтных ситуаций. Впрочем, взрослые могут также и сокращать пространство для взаимодействия молодежи, как это было показано выше на примере четвертых пространств. Таким образом, взрослые и создают и сокращают пространство для социальной интеграции молодых людей с ограниченными возможностями.

Интересным элементом функционирования молодежных спортивных сообществ является обучение или руководство сверстниками. Одной из целей занятий в большинстве видов спорта является обучение навыкам, улучшение результатов или профессиональный рост. Эта цель достигается посредством руководства тренировками. Отношения руководства, возникающие между взрослым инструктором и обучаемой молодежью, являются одной из основных форм иерархии и авторитета в спортивных сообществах. В организуемых молодежью самостоятельно спортивных мероприятиях, руководство часто принимает форму взаимного руководства, когда молодые люди дают советы и учат друг друга. Руководство сверстниками часто происходит неформальным образом, иногда даже незаметно, как часть социального взаимодействия во время спортивных занятий. Этот феномен можно рассматривать как усиливающий четвертое пространство и в управляемых взрослыми группах. Согласно нашим наблюдениям, возможности и пространства для руководства сверстниками в инвалидных спортивных сообществах, часто сокращаются или полностью отсутствуют. Между спортивными группами существует много различий, но особенно для руководства младшими возрастными группами характерно использование дисциплинарных методов. В этих группах заметны жесткий контроль со стороны взрослых и забота о подопечных. Во многих случаях тренеры подчеркивают, что коучинг – это работа тренера, например, прямо говоря занимающимся, что «не следует давать советы» другим. Одна из целей этого поведения, по-видимому, заключается в предотвращении конфликтов или установлении неравноправных отношений между спортсменами. В то же время, впрочем, это один из способов, с помощью которого взрослые сужают пространства для молодежи во время занятий спортом.

В большинстве тренировочных ситуаций, которые мы наблюдали, спортсмены-инвалиды серьезно относились к инструкциям тренера и старались им следовать. Мы также отметили, что многие занимающиеся повторяли про себя принципы и правила действий, которые были сообщены им тренерами. Конечно, это может быть типично для поведения молодых людей и их мыслительного процесса, но такое поведение также имеет интересные непредвиденные последствия. Повторение правил вслух усиливает указания руководителя, а также служит способом обучения других занимающихся. Таким образом, молодые спортсмены выступают в роли инструкторов-сверстников или посредников для взрослых руководителей.

Правила также знакомят молодых людей со словами и понятиями для общения со сверстниками. Несмотря на то, что для людей с ограниченными возможностями существует мало пространства для руководства сверстниками, оно все же может иметь место. В некоторых группах, которые мы наблюдали, молодым людям с ограниченными возможностями поручали ответственные роли инструкторов или помощников тренеров. Например, в группе по дзюдо, за которой мы наблюдали, часть тренерских функций выполняли старшие по возрасту занимающиеся. В этих группах, которые, как правило, состояли из взрослых молодых людей, было заметно неформальное руководство сверстников. Также в наблюдавшихся нами командных видах спорта имели место советы своим сверстникам:

«Во время игры в баскетбол молодые люди также дают советы друг другу. В команде есть те, кто

много говорит, в то время как другие члены команды играют молча. Они также заботятся друг о друге: «Не больно?». (Полевые записи А. Ранникко).

В дополнение к руководству и советам молодые люди также поддерживают и подгоняют друг друга. На соревнованиях эту роль играет публика, но на тренировках за поддержку отвечают тренеры и друзья. Обычно как сами молодые спортсмены, так и болельщики на соревнованиях, могут прочесть ситуации, в которых необходима поддержка: когда кто-то падает при спуске на горных лыжах, мяч не попадает в цель независимо от количества ваших попыток, или шар для боулинга проходит мимо кеглей. Конечно, поддержка часто также является спонтанной и, несомненно, также способом конструирования групповой идентичности («мы»), как показано в следующем примере с баскетболом:

«На запасной скамейке наблюдается волнение: слышны кричалки и видны волны болельщиков. «Наша команда лучше, чем ваша». Смех. «Мы кричим громче других». Есть командный дух». (Полевые записи А. Ранникко).

Соревновательность является неотъемлемой чертой спортивной культуры, которая влияет на организацию занятий, а также может формировать отношения между занимающимися спортом. В спорте товарищи могут тренироваться вместе и соревноваться друг с другом: переход социальной установки от синергии к антагонизму является нормальным и интенсивным. Соревновательность также подвергает занимающихся спортом внешним оценкам и вызывает сильные эмоции, разочарования и торжество в результате победы. На ее основе также быстро создаются иерархии и отторгаются «чужие» [9]. В некоторых спортивных культурах четко дистанцировались от соревновательности или разработали механизмы для ее смягчения [12].

Хотя спортивные занятия для молодых людей с ограниченными возможностями часто проводятся в спортивных учреждениях и организациях, соревновательность в них не подчеркивается. Согласно нашим полевым наблюдениям, при обучении молодых людей с ограниченными возможностями соревновательность остается в основном на заднем плане, и больший акцент ставится на совместные действия, спортивный опыт, благополучие и комфортное душевное состояние. Это не значит, что спортивная тренировка не является целенаправленной. Инструкторы и тренеры спортсменов-инвалидов обращают внимание на прогресс группы и личностное развитие спортсменов, а также на положительные результаты спорта в других областях их жизни.

В интервью спортсменов-инвалидов всегда выделяются соревнования и победы в них. Однако занятия спортом описываются скорее как повседневная практика и как социальная среда, а не как деятельность с целью достижения успеха или подготовки к соревнованиям. События, связанные с соревнованиями и поездками для участия в них, тем не менее, для многих спортсменов-инвалидов значимы. Они дают необыкновенные впечатления и, благодаря им, создают яркую личную историю спортивного увлечения. В особенности, участники международных соревнований в ходе интервьюирования вспоминали занятые ими места, достижения и испытанные эмоции. Особенно характерно это для представителей паралимпийских видов спорта, профессиональных спортсменов, получающих стипендии, имеющих спонсоров и пользующихся тренировочными календарями. Тем не менее, в среде молодых людей с ограниченными возможностями высокий уровень соревновательности, как правило, не отмечается [2].

Выводы: какое равенство существует и в каких пространствах оно возможно?

Четвертое пространство молодежной деятельности реализуется в инвалидном спорте иначе, чем в спортивной культуре здоровых молодых людей. Спектр отношений между сверстниками среди этих двух категорий молодежи также, по всей видимости, отличается. Отсутствие устойчивых четвертых пространств означает, что отношения между молодыми людьми-инвалидами реализуются преимущественно под надзором взрослых. В этом случае руководство сверстников также встречается реже. Для инвалидного спорта характерны умеренные формы соревновательности и есть место для взаимной поддержки. Невысокая значимость в нем некоторых спортивных ценностей дает возможность для признания других измерений спортивных занятий: личного развития, опыта и дружбы. Характерные для молодежи возможности для самостоятельного установления отношений равенства для этой группы ограничены, но в спортивных группах молодые инвалиды развивают свои возможности жить в обществе, играть и сохранять здоровье.

Вопрос о доступности и важности четвертого пространства представляет интерес для изучения и интерпретации проблем молодежи с ограниченными возможностями. Почему для нее не существует устойчивых четвертых пространств и где именно проходит граница между третьим и четвертым пространством? Представляется, что социализация сверстников среди молодых людей с ограниченными возможностями происходит в третьем пространстве: в ситуациях, когда молодые люди собираются для

совместных действий. Возможности для спонтанной, самостоятельной и свободной деятельности без присутствия взрослых у них ограничены. Для формирования «свободных» социальных пространств самостоятельного и добровольного общения инвалидов за пределами спортивных занятий требуются достаточные возможности и ресурсы. Многие молодые люди с ограниченными возможностями не имеют возможности самостоятельно выходить на улицу, общаться с друзьями и планировать свои действия. Поэтому встречи с молодыми людьми с ограниченными возможностями зависят от поддержки взрослых и услуг, предоставляемых обществом.

Наш анализ показывает, что во время спортивных занятий с молодыми инвалидами пространства, создаваемые ими для совместной деятельности, носят временный характер и существуют только во время перерывов в деятельности, управляемой взрослыми. Третье пространство на короткое время превращается в четвертое, когда взрослые собирают молодых людей в одну группу, инструкторы занимаются другими делами, и своих сил молодому человеку достаточно, чтобы встретить другого молодого человека для общения. Взрослые своими действиями могут способствовать или усложнять появление этих пространств и ситуаций. На них также влияют решения властей о предоставлении услуг и давление руководителей спортивных занятий в вопросе об условиях физической активности для людей с ограниченными возможностями.

Готовность к социальному взаимодействию – одна из ключевых возможностей, описанных М. Нуссбаум [7], реализация которой позволяет оценить справедливость в обществе. Социальные пространства для сверстников, создаваемые для их добровольного общения и отношения между ними могут рассматриваться как неотъемлемая часть общественной жизни молодых инвалидов. В нынешней ситуации существует явная необходимость в улучшении возможностей молодых инвалидов в сфере спорта. Например, необходимо подумать о потенциале менее организованных молодежных пространств для молодых людей с ограниченными возможностями. Почему, как представляется, так мало молодежных спортивных культур для людей с ограниченными возможностями? Как их можно создать, поддерживать и помочь их появлению?

Вопрос о природе равенства также представляет интерес. Равенство молодых инвалидов реализуется, что неудивительно, как правило, в общении с другими людьми с ограниченными возможностями, что не должно быть напрямую связано с доминированием третьих пространств, в которых реализуются увлечения/хобби молодых людей. Представляется, что для занятий спортом, управляемых взрослыми, формируются или специальные группы, или группы только для здоровых людей. Если из-за определенных обстоятельств молодые люди не имеют доступа к четвертым пространствам проведения досуга молодежи, их шансы на равное участие, например, в альтернативных спортивных сообществах, невелики. Заниматься скейтбордингом сложно, если нет возможности добраться до места, где им занимаются. Таким образом, общение молодых инвалидов происходит в управляемых взрослыми сообществах, в которых они встречаются с другими молодыми людьми с ограниченными возможностями.

Эта схема нарушается в основном в интегрированных спортивных группах. Социальные отношения в них интересны с точки зрения равенства. Идеал интегрированной деятельности заключается в том, чтобы молодые люди с ограниченными возможностями и здоровые люди могли участвовать в ней на равной основе. Занимающиеся могут считаться равными только при условии занятий одним видом спорта, или, например, статус, возраст и/или инвалидность занимающегося могут приниматься во внимание при определении равенства. С другой стороны, в практическом социальном контексте опыт равенства молодых людей варьируется в зависимости от действий общества и отдельных лиц. Равенство не достигается через механические атрибуты, но всегда создается вновь в каждой групповой ситуации, в зависимости от распределения иерархических позиций и фактической деятельности сообществ. Интегрированная физическая активность может способствовать обучению молодых людей с ограниченными возможностями и поддерживать развитие равенства между разными молодыми людьми. Но доступ к интегрированным группам и опыту равенства может быть затруднен для молодых людей с ограниченными возможностями из-за различных физических и социальных барьеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Проект выполнялся в Университете Восточной Финляндии и Университете прикладных наук Юго-Восточной Финляндии. Участники проекта: С. Эрикссон, П. Армила, А. Ранникко и П. Торвинен.

[2] Полевые записи 2017 года. Личный архив А. Ранникко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aitchison C. Exclusive discourses: Leisure studies and disability // *Leisure Studies*. 2009. № 28 (4). P. 375–386.
2. Armila P., Rannikko A., Torvinen P. Young people with intellectual disabilities and sport as a leisure activity: notions from the Finnish welfare society // *Leisure Studies*. 2007. № 37 (3). P. 295–306.
3. Armila P., Torvinen P. Vammaiset nuoret ja vapaa-ajan liikunta. Рукопись статьи. 2018.
4. Berg P. Sosiaaliset jalat ja vakava vapaa-aika – lasten ja nuorten vertaissuhteiden merkitys liikuntaharrastuksissa // *Nuorisotutkimus*. 2015. № 33. S. 88–101.
5. Callus A.-M., Bonello I., Mifsud C. No longer children: overprotection in the lives of adults with intellectual disability in Malta. Неопубликованный доклад. NNDR-conference, Örebro. 2017.
6. Harinen P., Rannikko A. Temppu ja miten se tehdään? Vaihtoehtoliikunta tietämisen ja taitamisen todellisuuksina / Harinen P., Käyhkö M., Rannikko A. (toim.) *Mutta mikä on tutkimuksen teoreettinen kysymys?* Joensuu: University Press of Eastern Finland, 2014. S. 80–101.
7. Nussbaum M. C. *Creating capabilities*. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 2011. 256 p.
8. Rannikko A. Autenttisuuden ja arvostuksen analogiat: sukupuolen risteyksiä vaihtoehtoliikunnan moraalisisissa järjestyksissä / Berg P., Kokkonen M. (toim.). *Urheilun takapuoli: tasa-arvo ja yhdenvertaisuus liikunnassa ja urheilussa*. 2016. Nuorisotutkimusseura. S. 250–274.
9. Rannikko A. Lesbohuispausta ja skeittityttöystävyyttä: Liikuntakulttuurin vaihtoehtoiset sukupuolen ja seksuaalisuuden järjestykset // *Sukupuolentutkimus–Genusforskning*. 2018. № 30 (4). S. 7–20.
10. Rannikko A., Armila P., Torvinen P., Liikanen V. The social bordering of lifestyle sports: inclusive principles, exclusive reality // *Journal of Youth Studies*. 2016. № 19 (8). S. 1093–1109.
11. Rannikko A., Harinen P., Liikanen V., Ronkainen J., Kuninkaanniemi H. Nuorten liikunnalliset alakulttuurit: elämäntapaa ja erontekoa // *Nuorisotutkimus*. 2014. № 31 (4). S. 3–19.
12. Rannikko A., Liikanen V. Taitavuuden hierarkiat vaihtoehtolajien ohjaussuhteissa / Harinen P., Liikanen V., Rannikko A., Torvinen P. (toim.). *Liikutukseen asti: Vaihtoehtoliikunta, nuoruus ja erottautumisen mieli. Liikunnan ja kansanterveyden edistämistätiö*. 2015. Liikunnan ja kansanterveyden julkaisuja 303. S. 81–87.
13. Tähti Leo-Pekka. Интервью Yle 12.1.2016. URL: <https://yle.fi/urheilu/3-8544639> (accessed 12.6.2018).
14. Teittinen A. Vammaisuus ja yksinäisyys. 2015. *Ketju-lehti*, № 6. 2015. URL: <http://ketju-lehti.fi/aiheet/tutkimuksessa-tapahtuu/vammaisuus-ja-yksinaisyys/> (accessed 18.9.2018).
15. Teittinen A., Vesala H. T. Vammaispalveluja tarvinneiden taloudellinen tilanne ja osallistuminen – ATH-tutkimuksen tuloksia. 2015. *Terveiden ja hyvinvoinnin laitoksen työpapereita 25/2015*. S. 25–31. URL: https://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/127100/URN_ISBN_978-952-302-547-9.pdf?sequence=1 (accessed 18.9.2018).

REFERENCES

1. Aitchison C. Exclusive discourses: Leisure studies and disability // *Leisure Studies*. 2009. № 28:4. P. 375–386.
2. Armila P., Rannikko A., Torvinen P. Young people with intellectual disabilities and sport as a leisure activity: notions from the Finnish welfare society // *Leisure Studies*. 2007. № 37 (3). P. 295–306.
3. Armila P., Torvinen P. Vammaiset nuoret ja vapaa-ajan liikunta. Manuscript of the article. 2018.
4. Berg P. Sosiaaliset jalat ja vakava vapaa-aika – lasten ja nuorten vertaissuhteiden merkitys liikuntaharrastuksissa // *Nuorisotutkimus*. 2015. № 33. S. 88–101.
5. Callus A.-M., Bonello I., Mifsud C. No longer children: overprotection in the lives of adults with

intellectual disability in Malta. Unpublished report. NNDR-konferenssi, Örebro, 2017.

6. Harinen P., Rannikko A. Temppu ja miten se tehdään? Vaihtoehtoliikunta tietämisen ja taitamisen todellisuuksina / Harinen P., Käyhkö M., Rannikko A. (toim.) Mutta mikä on tutkimuksen teoreettinen kysymys? Joensuu: University Press of Eastern Finland. 2014. S. 80-101.

7. Nussbaum M. C. Creating capabilities. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 2011. 256 p.

8. Rannikko A. Autenttisuuden ja arvostuksen analogiat: sukupuolen risteyksiä vaihtoehtoliikunnan moraalisisissa järjestyksissä / Berg P., Kokkonen M. (toim.). Urheilun takapuoli: tasa-arvo ja yhdenvertaisuus liikunnassa ja urheilussa. 2016. Nuorisotutkimusseura. S. 250-274.

9. Rannikko A. Lesbohuispausta ja skeittityttöystävyyttä: Liikuntakulttuurin vaihtoehtoiset sukupuolen ja seksuaalisuuden järjestykset // Sukupuolentutkimus-Genusforskning. 2018. № 30:4. S. 7-20.

10. Rannikko A., Armila P., Torvinen P., Liikanen V. The social bordering of lifestyle sports: inclusive principles, exclusive reality // Journal of Youth Studies. 2016. № 19 (8). P. 1093-1109.

11. Rannikko A., Harinen P., Liikanen V., Ronkainen J., Kuninkaanniemi H. Nuorten liikunnalliset alakulttuurit: elämäntapaa ja erontekoa // Nuorisotutkimus. 2014. № 31 (4). S. 3-19.

12. Rannikko A., Liikanen V. Taitavuuden hierarkiat vaihtoehtolajien ohjaussuhteissa / Harinen P., Liikanen V., Rannikko A., Torvinen P. (toim.). Liikutukseen asti: Vaihtoehtoliikunta, nuoruus ja erottautumisen mieli. Liikunnan ja kansanterveyden edistämissäätö. 2015. Liikunnan ja kansanterveyden julkaisuja 303. S. 81-87.

13. Tähti Leo-Pekka. Yle interview 12.1.2016. Available at: <https://yle.fi/urheilu/3-8544639> (accessed 12.6.2018).

14. Teittinen A. Vammaisuus ja yksinäisyys. 2015. Ketju-lehti, № 6. 2015. Available at: <http://ketju-lehti.fi/aiheet/tutkimuksessa-tapahtuu/vammaisuus-ja-yksinaisyys/> (accessed 18.9.2018).

15. Teittinen A., Vesala H. T. Vammaispalveluja tarvinneiden taloudellinen tilanne ja osallistuminen - ATH-tutkimuksen tuloksia. 2015. Terveiden ja hyvinvoinnin laitoksen työpapereita 25/2015. S. 25-31. Available at: https://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/127100/URN_ISBN_978-952-302-547-9.pdf?sequence=1 (accessed 18.9.2018).

YOUNG PEOPLE'S PEER RELATIONS IN DISABILITY SPORTS

RANNIKKO
Anni

*Dr. of Social Sciences,
University of Eastern Finland,
Department of Social Sciences,
Joensuu, Finland, anni.rannikko@uef.fi*

Keywords:

disability
peer relations
sport
youth
Finland

Summary:

In this article, we analyze free-time sport for young people with disabilities in the Finnish context. Among youth, leisure is often spent with peers, and in this analysis, we pay attention to sports hobbies as potential agendas for peer relations. We trace individual meanings that practitioners with disabilities give to sports they practice together with other young people with disabilities. We conclude that in the context of disability sports, peer relations are often lived under the adult supervision. Although possibilities of peer relations, that are seen to be a central part of youth, are rather constricted, disability sports strengthen readiness for coexistence, play and health.

УДК 316.1

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ГОРОДА И ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ СВЕТЛАНЫ СЕРГЕЕВНЫ КАСАТКИНОЙ «УРБОСФЕРА: ПРАКТИКИ ОСМЫСЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА»

**КЛЮКИНА
ЛЮДМИЛА
АЛЕКСАНДРОВНА**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный
университет, Институт истории, политических и
социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
klyukina-la77@yandex.ru*

Ключевые слова:

город
городское пространство
интегративная модель
С. С. Касаткина
системно-семиотического подход
урбосфера
урбанистика

Аннотация:

Данная рецензия является результатом работы официального рецензента монографии Светланы Сергеевны Касаткиной «Урбосфера: практики осмысления городского пространства». Дается анализ концепции «урбосферы», изложенной в монографии. В рецензии показано, что предложенные авторские модели изучения города и городского пространства (концептуально-семиотическая, структурно-семиотическая и субстратно-семиотическая) позволяют исследовать город как самоорганизующуюся систему, состоящую из взаимодействующих компонентов: концепта города, структуры города и городского субстрата, что охватывается понятием «урбосферы». В рецензии обращено внимание на значительную теоретическую и практическую значимость концепции урбосферы. В связи с тем, что концепция урбосферы охватывает другие модели изучения городского пространства, а также позволяет исследовать различные уровни городской среды и взаимоотношения между ними, рецензент характеризует данную концепцию в качестве интегративной модели.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2019 года

Опубликована: 28 декабря 2019 года

Монография Светланы Сергеевны Касаткиной «Урбосфера: практики осмысления городского пространства» вышла в 2018 году. В июне 2019 года в Северном (Арктическом) федеральном университете имени М. В. Ломоносова С. С. Касаткиной была защищена диссертация по теме «Урбосфера: системно-семиотический анализ», представленная на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия (философские науки) [2]. Монография посвящена актуальной проблеме. В современном мире жизнь большинства людей связана с городом. Города являются политическими, экономическими, культурными центрами, где конституируются основы современной человеческой цивилизации. Именно в контексте городской жизни

формируется представление о нормах жизни современного человека и современного общества, что напрямую отражается на процессах личностной и социально-культурной идентификации. Поэтому попытка Касаткиной «представить город как систему, отраженную в семиотическом понятии “урбосфера”» [1: 4], и изучить данный феномен в рамках системно-семиотического подхода А. И. Умова и И. В. Дмитриевской содержит научную новизну и заслуживает внимания исследователей урбанистики. Согласно системному подходу Умова, любую вещь можно представить в виде «системы», совокупности элементов, вычисляя общие свойства которых, можно описать отношения между ними, а комплекс этих отношений рассматривать как способ бытия системы. Фиксированные значения общих свойств, по которым система распределяется на классы, Умов называет «системными параметрами» [3]. Предложенное автором понятие «урбосфера», обозначающего самоорганизующуюся систему, состоящую из взаимодействующих компонентов: концепта города, структуры города и городского субстрата, обладает эвристической и методологической значимостью. В рамках концепции урбосферы становится возможным описать не только отдельные уровни городского пространства от повседневности до идеологических построений, но и выявить закономерные связи между ними, а также прогнозировать наиболее эффективную модель взаимодействия между ними. Изучение города как системы, состоящей из трех взаимодействующих компонентов: концепта города, его структуры и субстрата, последовательно осуществляется автором в трех главах монографии.

В первой главе «Концептуальные смыслы пространства города» автор раскрывает содержание понятия «концепт города». «В качестве концепта рассматривается осознанное человеком и обществом представление о жизни в условиях города, а также выстраивание на этой основе смыслов и практик существования, заключенных в параметры концепта» [1: 8]. В монографии предлагаются следующие системные параметры концепта города: открытость, автономность и зависимость, когерентность (целостность), структурированность, стабильность, мобильность, диалогичность, темпоральность, национальная определенность, величина (размер, численность), провинциальность и столичность, комфортность и гуманность, функциональность, перспективность развития, креативность и медиативность городского пространства. Автор показала связь между системными параметрами города и дифференциацией его статуса. В зависимости от того насколько поливариативным оказывается концепт города, можно судить о его однообразном существовании или о его разностороннем развитии по сравнению с другими городами [1: 36]. Автор предложила типологию городов в зависимости от развития тех или иных параметрических характеристик, например: моногорода и многофункциональные центры, столичные и провинциальные города, исторические и новые города, «динамичные» и «нединамичные» города, «креативные» и «некреативные» города и др. С точки зрения автора, на основе этой информации можно составить типологический индекс города, по которому город можно идентифицировать. Знание индекса города можно использовать в практике управления и развития города [1: 51].

Во второй главе «Город и люди: анализ структурного уровня урбосферы» показано влияние концептуальных параметров города на личность, городское общество, социальные отношения в городской среде. Автор делает вывод об антиномичном влиянии городской среды на людей. С одной стороны, «город является фокусом духовных вызовов цивилизационного развития» [1: 60]. Именно городское население сталкивается с вызовами современной цивилизации. В городском пространстве результаты политического, экономического, социального, культурного развития транслируются и доводятся до конкретного индивида быстрее. В городском пространстве репрезентируются различные социальные связи и отношения, а также выявляются закономерности их развития. Вместе с тем городская жизнь оценивается негативно с точки зрения антиурбанистической культуры. Экология города является неблагоприятной для жизни человека, в городах концентрируются агрессивные толпы людей, что приводит к росту преступности и коррупции. Формальные отношения между жителями города порождают равнодушие к чужой беде, проблемы в личной коммуникации, что приводит к понижению социальной ответственности и понижению психического уровня развития личности. В главе также демонстрируется влияние социальных институтов на появление, развитие и изменение социальных характеристик городского пространства. «Социальные институты города – устойчивая система связей, социальных норм и механизмов их создания, влияющая на появление, развитие и изменение социальных характеристик городского пространства» [1: 72]. Успешное развитие социальных институтов определяется автором соответствием их деятельности потребностям горожан. Деятельность социальных институтов репрезентируется в социокультурных образах городского пространства (семиокодах). Механизм формирования семиокодов называется автором урбосемиогенезом [1: 75]. Урбосемиогенез проявляется в архитектурных символах города, в визуально-тактильных образах

городского пространства, в исторической памяти города, в персонификации города с какой-либо известной личностью, в маркетинговом символизме города, в языке городского населения. Постижение семиокодов, с точки зрения автора, духовно обогащает городской мир, делая его более органичным. С. С. Касаткина исследовала принципы конструктивного и деструктивного отношения города и человека в контексте философско-антропологического подхода, рассматривая человека как часть системы города. Несмотря на идеализацию сельской жизни традиционных обществ, большинство современных людей живет в городе. Согласно автору, «город открывает широкие возможности для развития, а также таит многие проблемы, порождающие стрессы и трудности для человека» [1: 89]. В нем человек проходит социализацию, определяющуюся широким набором различных факторов. В городе человек получает не только среднее, но и высшее образование, имеет доступ к научному образованию. Здесь человек более разнообразно приобщается к классическим и новейшим достижениям культуры. Городское медийное пространство включает человека в региональные и мировые политические, экономические, коммуникативные процессы. В городской среде существует больше условий для самореализации личности, раскрытия индивидуальности человека. Вместе с тем анонимность общения, порождаемая городской средой, обостряет проблему отчуждения личности. Разрыв связи человека с пространством усугубляется неблагоприятной экологической обстановкой, в результате чего город человеком воспринимается как «чужбина», пространство принуждения, неприспособленное для жизни. Экзистенциальные настроения горожан отражаются в семиокодах города, образуя его смысловое пространство. Автор делает вывод, что, хотя город формирует личностное бытие человека, стандартизирует его жизнь, тем не менее «освоение ресурсов города и характер их использования детерминированы, предопределены статусом жителей города, а также их индивидуальностью» [1: 89].

В третьей главе «Морфология городского субстрата» автор подробнейшим образом рассматривает такие компоненты городского субстрата, как публичное пространство города, приватно-субъективированное пространство города, а также их взаимодействие, учитывая влияние на их развитие каких-либо концептуальных свойств городского пространства. Городской субстрат – это физическое пространство города. При изучении городского субстрата автор использует морфологический анализ пространства города, чтобы изучить места и формы взаимодействия горожанина и городского сообщества. Публичное пространство города – это территория, открытая для всех. К публичному пространству относятся площади, улицы, парки, скверы, пляжи, набережные, пешеходные зоны, дороги, торговые, торгово-развлекательные центры, музеи, театры, библиотеки, культурно-досуговые центры, спортивные комплексы, учреждения общественного питания, образовательные заведения, медицинские учреждения. Изучая зону публичного пространства, автор показывает различные траектории взаимодействия участников городской жизни. Приватно-субъективированное пространство города включает в себя дом, дворовую придомовую территорию, уличное пространство и городской микрорайон. Эти места влияют на человека в первую очередь. Так как их человек использует по индивидуальному назначению, С. С. Касаткина выстраивает иерархию мест пребывания человека (микроуровень, мезоуровень, макропространство) в приватном пространстве. Так как концептуальные параметры города отражаются на субстратном уровне, автор изучила принципы реализации субстратного уровня урбосферы. Она сделала следующие выводы: «Пространственная структура города зависит от его концепта. Типологические характеристики города формируют его субстрат. Если субстрат не реализуется в типологических чертах городского пространства, то происходит изменение концепта города. Город способен измениться под влиянием процессов, происходящих на субстратном уровне» [1: 131]. Изменения субстратного уровня отражаются «в муниципальных практиках городов, что формирует уникальность, специфичность, неповторимость городов в масштабах региона, страны, мира» [1: 131].

В заключение работы обоснована адекватность системно-семиотического метода изучения пространства города как философского варианта понимания городского пространства, раскрыто обобщенное значение понятия «урбосфера». «Урбосфера – системно-смысловой универсум города, состоящий из взаимосвязи его концепта, структуры и субстрата, которые выражают интегрированность отношений человека и общества в условиях городского пространства» [1: 133]. Все элементы урбосферы динамично развиваются и связаны друг с другом. Изменение одного элемента приводит к изменению другого. Концепт составляет базисный каркас города, структура является способом организации многообразных отношений между социумом и городом, которые символизируются, субстрат рассматривается показателем предметных проявлений устройства городского пространства. Перспективными городами в современной цивилизации признаются концептуально многоплановые города, реализующие на субстратном уровне такие параметры как открытость, безопасность,

комфортность, мобильность, коммуникабельность, многофункциональность, экогуманитарность. С точки зрения автора, концепция урбосферы, может использоваться как теоретическая модель при изучении истории и современной жизни города, так и в качестве основы практической модели развития городского пространства, направленного на улучшение качества жизни в городе и на гуманизацию городской среды.

Концепция урбосферы, разработанная С. С. Касаткиной имеет важную теоретическую и практическую значимость. Данная модель, на наш взгляд, может рассматриваться интегративной моделью изучения города и городского пространства, включающей в себя большинство известных моделей изучения городского пространства. Введенное автором понятие «урбосфера» выполняет интегративную функцию: объединяет методологии изучения города как социальной системы, существующей по своим законам и имеющей свою цель, исследования города как сферу отношений между социальными институтами и социальными группами, описания города как пространства человеческой жизни. Такой интегративный подход применяется автором для решения целого комплекса исследовательских задач, связанных с изучением различных уровней городского пространства от повседневности до идеологического пространства города. Для решения поставленных задач автор разработала категориально-терминологический аппарат, посредством которого становится возможным логически описать, исследовать конкретный город, отношения в нем и городскую жизнь и включить полученные результаты в информационное, когнитивное, цифровое пространство. В монографии приводятся две таблицы, составленные автором, в которых она наглядно демонстрирует систематизацию материала. В этой связи следует заметить, что использование большего количества графиков и таблиц позволило бы более емко формализовать полученные результаты исследования и представить их вниманию читателей в удобной для запоминания форме. Стоит отметить широкий спектр литературы и новых источников, использованных при написании монографии. Примечательно, что наряду с активной и творческой работой с уже известной литературой, автор прекрасно ориентируется в новейших философских течениях по урбанистической проблематике, анализ и критика которых без сомнения вносят вклад в современную социальную философию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касаткина С. С. Урбосфера: практики осмысления городского пространства. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2018. 160 с.
2. Касаткина С. С. Урбосфера: системно-семиотический анализ: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2018. 337 с. URL: https://narfu.ru/upload/iblock/1a9/Dissertatsia_Kasatkina_fin.pdf (дата обращения 13.12.19. 2019).
3. Уемов А. И. Определение понятия «система» и проблема специфики системного подхода к объекту // Логика и методология системных исследований / Отв. ред. Л. Н. Сумарокова. Киев, 1977. С. 11-24.

REFERENCES

1. Kasatkina S. S. Urbosphere: practices of understanding urban space. Cherepovets, 2018. 160 p. (In Russ.)
2. Kasatkina S. S. Urbosphere: systemic semiotic analysis. Dissertation of Doctor of Philosophy specialty 09.00.11 - social philosophy (philosophical sciences). Ivanovo, 2018. 337 p. Available at: https://narfu.ru/upload/iblock/1a9/Dissertatsia_Kasatkina_fin.pdf (accessed 13.12. 2019).
3. Uemov A. I. The definition of the concept of «system» and the problem of the specifics of a systematic approach to the object. Logic and methodology of system research. Kiev, 1977. P. 11 – 24. (In Russ.)

INTEGRATIVE MODEL FOR STUDING THE CITY AND CITY ENVIRONMENT: A REVIEW OF SVETLANA KASATKINA'S MONOGRAF URBOSPHERE: UNDERSTANDING CITY SPACE

**KLYUKINA
Lyudmila**

*Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Petrozavodsk State University, , Institute of History,
Political and Social Sciences, Department of Philosophy
and Cultural Studies,
Petrozavodsk, Russian Federation,
klyukina-la77@yandex.ru*

Keywords:

city
city environment
integrative model
S. S. Kasatkina
semiotic system approach
urbosphere
urban science

Summary:

This review is the outcome of the work made by an official reviewer of Svetlana Kasatkina's monograph «Urbosphere: Reflection of Urban Space». The review provides the concept of 'urbosphere' outlined in the monograph. The author demonstrates that the suggested models of urban space study (conceptual semiotic, structural semiotic and substrate semiotic) shed light on a city as a self-organizing system involving such interrelated components as the city concept, the city structure and the city substrate, forming the basis for the notion 'urbosphere'. The review refers to the considerable theoretical and practical significance of the concept of 'urbosphere'. Since the concept of 'urbosphere' encompasses other models of studying of urban space and enables to explore different levels of city space as well as the relationships between them, the reviewer describes this concept as an integrative model.

УДК 314.74

**РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: NERG P.,
JÄRVENPÄÄ N. TIUKKA PAIKKA.
(ТРУДНАЯ РАБОТА). DOCENDO OY,
JYVÄSKYLÄ, 2019. 174 S.**

**КИЛИН
Юрий
Михайлович**

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой зарубежной истории,
политологии и международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Россия, kilinyuri@mail.ru*

Ключевые слова:

миграционный кризис
2015 год
© 2019 Петрозаводский государственный университет
Финляндия

Получена: 28 декабря 2019 года

Опубликована: 28 декабря 2019 года

Мы столкнулись с беспрецедентной ситуацией в Финляндии.

В течение полугода к нам прибыло более 30 000 беженцев, и они продолжают прибывать. Некоторые бегут от беды, другие – в поисках лучшей доли, по естественным и человечески понятным причинам. Миграция также может быть результатом преднамеренных действий и инструментом силовой политики.

Новогоднее обращение президента Финляндии Саули Ниинистё к нации 1 января 2016 г. [7]

В начале 2019 года увидела свет книга заместителя государственного секретаря по административным вопросам министерства финансов Финляндии Пяйви Нерг и журналистки Нины Ярвенкюля, представляющая собой комментированное интервью П. Нерг, занимавшей в период миграционного кризиса 2015 года должность начальника канцелярии Министерства внутренних дел и игравшей ключевую роль в решении проблемы массового прибытия беженцев в качестве координатора кризисной группы, объединявшей деятельность различных органов власти Финляндии. Интервью, которые П. Нерг дала в сентябре и октябре 2018 года, в ноябре того же года были дополнены интервью министра внутренних дел Финляндии в 2015–2016 годах Петтери Орпо [3]. Кроме большого фактического материала и полезного опыта управления миграционным кризисом, книга содержит и рассмотренные в рецензии необоснованные выпады в отношении России Н. Ярвенкюля из таблоида «Илталеhti», известного своим предвзятым и необъективным отношением к большому восточному соседу Суоми.

Находящаяся на северной периферии Евросоюза Финляндия до конца лета 2015 года не представляла особого интереса для мигрантов из Северной Африки, а также некоторых неблагоприятных государств Евразии, прежде всего Ближнего и Среднего Востока. В отличие от соседней Швеции, реализующей сверхлояльную модель входящей миграции на основе идеологии толерантности и мультикультурализма и, что может быть еще важнее, с учетом суженного воспроизводства коренного населения, отношение финских властей и общества к мигрантам до начала

1990-х годов было более чем сдержанным. Несмотря на то, что Финляндия еще в 1969 г. перешла к суженному воспроизводству населения [5], накопленный демографический потенциал позволял медленно увеличивать численность населения до начала 1990-х годов, после чего возникла зависимость от входящей миграции.

В 1990 году доля мигрантов в населении Финляндии составляла менее 1% [6], увеличившись к 2018 году примерно до 6% [1]. До распада СССР Финляндия являлась одной из самых закрытых для входящей инациональной миграции стран Европы, сохраняя свой преобладающе биэтнический состав (финны и финские шведы), а иностранных граждан насчитывалось примерно 25 тыс. человек, менее 1% населения страны. С 1991 г. начался быстрый приток иммигрантов, прежде всего, выходцев из государств бывшего СССР. В 2018 году численность иностранных граждан, постоянно проживающих в Финляндии, составила уже почти 258 тыс. человек, увеличившись за 28 лет в 10 раз. В 2018 г. в Финляндии постоянно проживали выходцы из 180 стран мира. Самой большой группой иностранных граждан в стране являются эстонцы (более 50 тыс.), второй по численности – выходцы из Российской Федерации (27 тыс.), третьей – иракцы (13 тыс.) [8]. По абсолютным и относительным показателям входящей миграции Финляндия (5,5 млн чел.), впрочем, значительно уступает Швеции (10,1 млн чел.). В конце 2018 года в Швеции насчитывалось 1,9 млн мигрантов первого поколения, что составляет 19% населения страны [9].

В августе 2015 года в Финляндии неожиданно разразился первый после второй мировой войны миграционный кризис, когда транзитом через Швецию в районе Торнио к концу декабря в страну прибыло 32 476 беженцев, преимущественно из Ирака (20 485), а также Афганистана (5214), Сомали (981), Сирии (877) и других стран. Для временного размещения беженцев в Финляндии в срочном порядке, к концу 2015 года было организовано 142 центра размещения для взрослых и 68 для несовершеннолетних беженцев [10]. При этом использовался уникальный опыт эвакуации в 1940 году во внутренние районы страны из переходившей по мирному договору СССР территории до 430 тыс. человек, что составляло почти 11% всего довоенного населения страны [2]. Кроме того, в правовом отношении Финляндия также была готова к решению этой проблемы, так как после распада СССР страна готовилась к прибытию миллионов беженцев из бывших республик советского государства, приняв на этот случай закон о регистрационно-распределительных центрах [3; 18].

До начала миграционного кризиса, с 2000 года в Финляндию ежегодно прибывало от 1,5 до 6 тысяч соискателей статуса беженца, что не представляло для властей государства особых трудностей [4]. Ситуация радикально изменилась летом 2015 года. В книге отмечается, что еще весной 2015 года наблюдавшие за миграционным кризисом в южной Европе по новостным каналам финны не верили, что он напрямую коснется их страны, настолько невероятным им представлялся этот сценарий, учитывая расстояние и естественное препятствие – Балтийское море. Тем не менее, этот сценарий реализовался после того как в ближневосточных, прежде всего иракских группах Фейсбука, была распространена информация о принятии в Финляндии быстрых решений о предоставлении вида на жительство, работы и жилья, а также возможности быстрого воссоединения с семьей [3; 15]. В книге, впрочем, даже не была предпринята попытка определить источник этой информации, распространявшейся крупнейшей в мире американской социальной сетью.

С конца августа 2015 года из Швеции транзитом через Торнио в Оулу стали ежедневно прибывать автобусы с беженцами, которые затем продолжали свой путь в столичный регион, и в скором времени у государственных учреждений, полицейских участков и территориальных управлений образовались импровизированные лагеря беженцев, между которыми стали возникать конфликты, началось их неконтролируемое передвижение по стране, что создавало угрозу общественному порядку и вызвало раскол в финском обществе, часть которого реагировала на происходящее агрессивно, вплоть до поджогов центров размещения беженцев [7]. Финские власти были захвачены происходящим врасплох, поначалу политическое руководство, не сразу осознавшее масштабы кризиса, даже предлагало решить его силами и ресурсами министерства труда и экономики, что выглядело «комично» [3; 22].

Только через три недели после начала кризиса, когда в Финляндию прибыло уже более 10 тыс. беженцев, власти стали предпринимать меры по его урегулированию, побуждаемые к этому мэрией Оулу: 17 сентября 2015 года Государственный совет принял решение о создании в Торнио единого регистрационно-распределительного центра (järjestelykeskus), который приступил к работе уже через пять дней, 22 сентября. К оборудованию пустующего здания лицея, находящегося в 200 метрах от границы со Швецией, власти приступили еще до принятия решения мэрией Торнио. В регистрационно-распределительном центре должна была проводиться регистрация всех прибывавших в

Финляндию беженцев, после чего они организованно направлялись в центры размещения беженцев, персонал которых был увеличен в конце 2015 года с 3041 до 29 800 человек [10]. После завершения «эпизода с Россией» (о нем – ниже) центр в Торнио закрыли 17 марта 2016 года.

Во второй половине сентября финские власти, уже готовые к введению режима чрезвычайной ситуации [3; 9], справились с первоначальной растерянностью (П. Нерг: не верилось, что человеческие потоки из Южной и Центральной Европы на самом деле достигли Финляндии. [3; 17]) и создали очень эффективный механизм управления кризисом, «предмет зависти» [3; 14] остальной Европы, центральным элементом которого стало министерство внутренних дел, в которое входят полиция, пограничная охрана и служба спасения. На высшем уровне управлением кризисом занималась сформированная 24 сентября Государственным советом и принимавшая стратегические решения министерская группа по иммиграции во главе с П. Орпо, в которую входили 11 из 14 министров. Кризисная группа, деятельность которой координировала П. Нерг, занималась решением практических вопросов. Впервые вопрос о создании кризисной группы был поднят 4 сентября, в нее были включены министр внутренних дел, главный начальник полиции, начальник пограничной охраны, главный начальник службы спасения, начальник службы безопасности, главный начальник иммиграционной службы и руководитель отдела по связям с общественностью МВД. Впоследствии в группу вошли представители финского Красного Креста, министерства иностранных дел, министерства труда и экономики, министерства транспорта и связи, а также глава канцелярии премьер-министра П. Лехтомяки. Решения на всех уровнях принимались быстро и сразу же выполнялись. За ситуативное информирование властей отвечала центральная уголовная полиция Финляндии, ежедневно готовившая обзоры [3; 37–40].

Возможности этой эффективной гражданской модели управления кризисом, впрочем, в октябре 2015 года были исчерпаны: заканчивались материальные и финансовые ресурсы, не оставалось пригодных для размещения беженцев зданий, в связи с чем в Финляндии стали рассматривать возможность участия Оборонительных сил, которые и до этого помогали гражданским властям в Торнио. После введения пограничного контроля на границе Дании и Швеции во второй половине октября ситуация постепенно стала стабилизироваться [3; 42].

Решающую роль в управлении иммиграционным кризисом в Финляндии сыграли эффективно действовавшие институты гражданского общества: в книге отмечается «очень большая помощь» международного отдела Красного Креста, организовавшего центры размещения беженцев и снабжавшего их необходимым имуществом и предоставившего квалифицированный персонал; церковные приходы проводили сбор средств и организовывали деятельность волонтеров. Эффективность коммерческого сектора, гостиниц и домов отдыха, оказалась гораздо ниже и, после того как пребывание беженцев в организованных в них центрах размещения затянулось, их владельцы потеряли заинтересованность в этой деятельности, требовавшей дополнительной квалификации персонала [3; 42].

В начале ноября 2015 года, когда кризис на финляндско-шведской границе завершался, через два международных автомобильных пункта пропуска в финской Лапландии (Райя-Йоосеппи и Келлоселькя), которые до этого использовались почти исключительно местным населением, группы беженцев стали прибывать в Финляндию из России. До этого они массово переходили границу из России в Норвегию. Почти за год, до второй половины октября 2015 года, через МАПП Райя-Йоосеппи границу пересекли лишь 8 беженцев, а только за последнюю неделю октября – уже 40. 31 декабря Лапландский погранотряд отчитался о прибытии в Финляндию 678 беженцев. До введения в действие Россией 23 марта 2016 временного соглашения об ограничении движения на этих двух пунктах пропуска, согласованного в ходе инициированных финнами переговоров в Москве на высоком уровне, в Финляндию по этому маршруту прибыло до 1700 человек из 36 государств [3; 42]. По выражению финского министра внутренних дел П. Орпо «на абсолютно спокойной с 1944 по 2016 год восточной границе... происходило что-то чрезвычайное». Официальная позиция российских властей в правовом отношении была безупречной: в соответствии с нормами и принципами международного права, у них не имелось оснований для ограничения свободы передвижения иностранцев, находившихся на законных основаниях в России [3; 134].

В книге приведены мнения участников этих событий и журналиста Н. Ярвенпя, которые противоречат друг другу. После прибытия в Финляндию на пограничных пунктах пропуска все без исключения взрослые беженцы были подвергнуты допросам (в книге они названы интервью), в результате которых выяснилось, что эта деятельность «носила полностью организованный характер». П. Орпо констатирует, что ни в одном из случаев не удалось выявить организаторов этого маршрута, и,

хотя «были разные спекуляции о причинах, я не могу сказать, кто это был. Не имелось признаков того, что за этим могла стоять, например, служба безопасности (ФСБ)» [3; 134]. По мнению главы МВД, «Россия стремилась решить проблему, а в Финляндии испытывали беспокойство тем, что ситуация может повториться». П. Орпо предполагает, что после открытия маршрута «в дело вмешалась международная организованная преступность, занимающаяся контрабандой людей» [3; 134]. П. Нерг отмечает неслучайный характер событий на российско-финляндской границе, говоря, что беженцев туда «направила какая-то сторона» [3; 134], которую она не называет. В этих высказываниях не содержится намёка на Россию как организатора северного маршрута для беженцев.

Другое дело – свободный от знания всех обстоятельств миграционного кризиса и здравого смысла, негативно относящийся к России представитель средств массовой информации. Для формирования ложного образа России как организатора северного маршрута для беженцев журналист таблоида «Илта-Саномат» Н. Ярвенпя использовала авторитет президента Финляндии С. Ниинистё, сыгравшего решающую роль в разрешении кризиса на высшем политическом уровне. Журналист применила классический приём мастеров игры в наперстки, вырвав из контекста фразу из новогоднего обращения президента к нации, цитируемую в эпиграфе к этой статье: «Миграция также может быть результатом преднамеренных действий и инструментом силовой политики» [7]. На самом деле, эта фраза относилась ко всему миграционному кризису, и не имела отношения к «эпизоду с Россией». В первой части книги Н. Ярвенпя бросила ещё один камень в российский огород, заявив, что ситуацию миграционного кризиса «Россия умело использовала...финансируя как крайние правые и, так и крайние левые политические силы» в Европе [3; 134]. Доказательств этих двух тезисов, за неимением таковых, журналист не приводит, как и не отвечает на вопрос: с какими целями Россия действовала бы таким образом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Helminen M.-L. Maahanmuutto kasvattaa nuorten määrää. Available at: <http://www.stat.fi/tietotrendit/artikkelit/2017/maahanmuutto-kasvattaa-nuorten-maaraa/> (accessed 20.12.2019).
2. Luovutetun Karjalan historia. URL: <https://www.luovutettukarjala.fi/historia/historiaa.htm> (accessed 20.12.2019).
3. Nerg P., Järvenpää N. Tiukka paikka. (Трудная работа). Docendo Oy, Jyväskylä, 2019. 174 s.
4. Pakolainen pakenee vainoa kotimaassaan. Sisäministeriö. URL: <https://intermin.fi/maahanmuutto/turvapaikanhakijat-ja-pakolaiset> (accessed 20.12.2019).
5. Suomen kansalaisuuden saaneet. Tilastokeskus. Available at: <https://www.tilastokeskus.fi/tup/maahanmuutto/suomen-kansalaisuuden-saaneet.html> (accessed 20.12.2019).
6. Syntyvyyden jyrkkä aleneminen jatkui. Tilastokeskus. Available at: https://www.stat.fi/til/synt/2018/synt_2018_2019-04-26_tie_001_fi.html (accessed 18.10.2019).
7. Tasavallan presidentti Sauli Niinistön uudenvuodenpuhe 1.1.2016. URL: <https://www.presidentti.fi/puheet/tasavallan-presidentti-sauli-niiniston-uudenvuodenpuhe-1-1-2016/> (accessed 20.12.2019).
8. Ulkomaan kansalaiset. Tilastokeskus. URL: <https://www.tilastokeskus.fi/tup/maahanmuutto/maahanmuuttajat-vaestossa/ulkomaan-kansalaiset.html> (accessed 20.12.2019).
9. Utrikes födda i Sverige. URL: <https://www.scb.se/hitta-statistik/sverige-i-siffror/manniskorna-i-sverige/utrikes-fodda/> (accessed 20.12.2019).
10. Vuonna 2015 myönnettiin hieman yli 20 000 oleskelulupaa, uusia Suomen kansalaisia reilut 8 000. URL: https://migri.fi/artikkeli/-/asset_publisher/vuonna-2015-myonnettiin-hieman-yli-20-000-oleskelulupaa-uuasia-suomen-kansalaisia-reilut-8-000 (accessed 20.12.2019).

REFERENCES

1. Helminen M.-L. Maahanmuutto kasvattaa nuorten määrää. Available at: <http://www.stat.fi/tietotrendit/artikkelit/2017/maahanmuutto-kasvattaa-nuorten-maaraa/> (accessed 20.12.2019).
2. Luovutetun Karjalan historia. URL: <https://www.luovutettukarjala.fi/historia/historiaa.htm> (accessed 20.12.2019).
3. Nerg P., Järvenpää N. Tiukka paikka. (Трудная работа). Docendo Oy, Jyväskylä, 2019. 174 s.

4. Pakolainen pakenee vainoa kotimaassaan. Sisäministeriö. URL: <https://www.presidentti.fi/puheet/tasavallan-presidentti-sauli-niiniston-uudenvuodenpuhe-1-1-2016/> (accessed 20.12.2019).

5. Suomen kansalaisuuden saaneet. Tilastokeskus. Available at: <https://www.tilastokeskus.fi/tup/maahanmuutto/suomen-kansalaisuuden-saaneet.html> (accessed 18.10.2019).

6. Syntyvyyden jyrkkä aleneminen jatkuu. Tilastokeskus. Available at: https://www.stat.fi/til/synt/2018/synt_2018_2019-04-26_tie_001_fi.html (accessed 18.10.2019).

7. Tasavallan presidentti Sauli Niinistön uudenvuodenpuhe 1.1.2016. URL: <https://www.presidentti.fi/puheet/tasavallan-presidentti-sauli-niiniston-uudenvuodenpuhe-1-1-2016/> (accessed 20.12.2019).

8. Ulkomaan kansalaiset. Tilastokeskus. URL: <https://www.tilastokeskus.fi/tup/maahanmuutto/maahanmuuttajat-vaestossa/ulkomaan-kansalaiset.html> (accessed 20.12.2019).

9. Utrikes födda i Sverige. URL: <https://www.scb.se/hitta-statistik/sverige-i-siffror/manniskorna-i-sverige/utrikes-fodda/> (accessed 20.12.2019).

10. Vuonna 2015 myönnettiin hieman yli 20 000 oleskelulupaa, uusia Suomen kansalaisia reilut 8 000. URL: https://migri.fi/artikkeli/-/asset_publisher/vuonna-2015-myonnettiin-hieman-yli-20-000-oleskelulupaa-uusia-suomen-kansalaisia-reilut-8-000 (accessed 20.12.2019).

**REVIEW OF THE DOOK NERG P.,
JÄRVENPÄÄ N. TIUKKA PAIKKA.
(HARD WORK). DOCENDO OY,
JYVÄSKYLÄ, 2019. 174 S.**

**KILIN
Yuri**

*Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of World History, Political
Science and International Relations,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russia, kilinyuri@mail.ru*

Keywords:

migration crisis
2015
Finland

«ПЕТРОЗАВОДСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА» НА СИМПОЗИУМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В БОСТОНЕ*

**АНДРИАНОВА
ИРИНА
СВЯТОСЛАВОВНА**

*кандидат филологических наук,
заведующая Web-лабораторией Института
филологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
yarysheva@yandex.ru*

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2019 года

Опубликована: 28 декабря 2019 года

14–19 июля 2019 года состоялся XVII Симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского (International Dostoevsky Society, IDS). Он проходил в Бостонском университете (США, штат Массачусетс) и был посвящен 150-летию романа «Идиот». В Симпозиуме приняли участие представители Петрозаводского государственного университета, одного из мировых центров по изучению жизни и творчества великого писателя: В. Н. Захаров, президент IDS (с 2013 по 2019 годы), д. филол. н., заведующий кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики, и И. С. Андрианова, к. филол. н., заведующая Web-лабораторией Института филологии и Гуманитарного инновационного парка.

Ф. М. Достоевский во всем мире признан одним из самых значительных, известных и актуальных писателей и мыслителей. Подтверждением этому служит факт почти полувекового существования Международного общества Ф. М. Достоевского (International Dostoevsky Society, IDS), созданного в 1971 году для более глубокого и плодотворного изучения жизни и творчества писателя, для налаживания сотрудничества между исследователями Достоевского со всего мира. На сегодняшний день в IDS входят региональные отделения в Аргентине, Австралии, Бразилии, Канаде, Китае, Чехии, Эстонии, Франции, Германии, Италии, Японии, Новой Зеландии, Польше, России, Скандинавии, Испании, Швейцарии, Великобритании и США. Оно имеет своего президента, срок полномочий которого составляет 3 года и может быть продлен только один раз; свою Конституцию, сайт <https://dostoevsky.org/> и выпускает журнал «Dostoevsky Studies».

Симпозиумы IDS проводятся каждые три года. Участников принимали Австрия (1974 — Санкт-Вольфганг, 1995 — Гаминг), Дания (1977 — Рунгстедгард), Италия (1980 — Бергамо, 2010 — Неаполь), Франция (1983 — Серизи-ля-Салль), Великобритания (1986 — Ноттингем), Югославия (1989 — Любляна), Норвегия (1992 — Осло), США (1998 — Нью-Йорк), Швейцария (2004 — Женева), ФРГ (2001 — Баден-Баден), Венгрия (2007 — Будапешт), Испания (2016 — Гранада). Один из симпозиумов прошел в России (2013 — Москва).

XVII Симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского, состоявшийся 14–19 июля 2019 года, в Бостонском университете, был посвящен 150-летию романа «Идиот» (в 1869 г. его публикация завершилась в журнале «Русский вестник») и направлен на применение новых и междисциплинарных подходов к изучению этого великого литературного произведения.

Для того чтобы поделиться своими исследованиями романа «Идиот» и других текстов великого

русского писателя, его рукописного наследия, методиками преподавания его произведений в средней и высшей школе и опытом их перевода, в Новую Англию съехались около 100 специалистов из разных стран мира: США, Великобритании, Венгрии, Швеции, Германии, Польши, Шотландии, Франции, Канады, Италии, Испании, Бельгии, Хорватии, Украины, Болгарии, Австралии, Аргентины, Бразилии, Японии, Китая и России. Рабочими языками Симпозиума являлись английский и русский, язык Достоевского.

Россия была представлена 20 исследователями: из Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Ярославля, Томска, Петрозаводска. Большинству из них финансовую поддержку для такой поездки оказал Российский фонд фундаментальных исследований (проект «Достоевский» и др.). Отметим, что постоянное участие российских ученых в симпозиумах стало возможным с 1989 года, а в начале 1990-х годов Российское общество Достоевского смогло войти в состав IDS.

Открывая Симпозиум, с приветственными к участникам словами выступили американские слависты, популяризаторы русской классической литературы в Америке: профессор факультета искусств и наук Гарвардского университета Уильям Тодд III (William Mills Todd III), профессор славянских и евразийских исследований Университета Дьюка Кэрол Аполлонио (Carol Apollonio), доцент кафедры русского языка и сравнительного литературоведения Бостонского университета Ю. Корриган (Yury Corrigan), адъюнкт-профессор Колумбийского университета Д. Мартинсен (Deborah Martinsen), а также старейший американский достоевсковед, один из основателей Общества, почетный профессор IDS, профессор Йельского университета Роберт Джексон (Robert Louis Jackson).

Участников Симпозиума приветствовал президент IDS, профессор Петрозаводского университета В. Н. Захаров и рассказал о том, что в России на государственном уровне подходят к предстоящему празднованию 200-летнего юбилея Достоевского. Среди городов, в которых запланированы торжественные мероприятия — Москва, Санкт-Петербург, Омск и Петрозаводск. На пленарном заседании он выступил с докладом и презентацией «Проблемы и перспективы развития проекта Digital Dostoevsky». В нем он рассказал о целях, с которыми он создал 25 лет назад, до массового внедрения цифровых технологий, на филологическом факультете Петрозаводского университета два подразделения: Web-лабораторию и текстологическую группу, сотрудники которых сегодня представляют собой «петрозаводскую текстологическую школу»; продемонстрировал фотокадры техники и сопутствующих материалов (компьютеры Macintosh Classic с 9-дюймовыми дисплеями, микрофиши, проекторы), с помощью которых сотрудники начинали готовить электронные версии текстов произведений русских писателей и читать рукописи Достоевского; представил портал <http://philolog.petrso.ru/>, на котором размещены результаты многолетней работы сотрудников Web-лаборатории — конкордансы всех произведений Достоевского, мемориальное Евангелие писателя с описанием помет владельца, его переписка, архивы журналов «Время», «Эпоха» и «Гражданин» и многие другие электронные научные издания. Профессор Гарвардского университета У. Тодд III признался, что, проводя семинары по творчеству Достоевского, всегда работает с материалами этого сайта. Петрозаводский государственный университет является одним из ведущих мировых центров изучения жизни и творчества Ф. М. Достоевского, результаты деятельности Web-лаборатории и текстологической группы были оценены участниками Симпозиума в Бостоне не только признательными речами, но и аплодисментами.

На пленарных заседаниях, которыми открывались все рабочие дни Симпозиума, выступили известные российские и зарубежные достоевсковеды. Так, И. Л. Волгин (МГУ, Россия) в докладе «Жена в России больше, чем жена (Анна Григорьевна Достоевская и роман “Идиот”» охарактеризовал историю совместного труда, а затем брака Ф. М. Достоевского и его стенографистки как «первый в литературной жизни России служебный роман». Именно Анна Достоевская, по словам исследователя, своей жизнью и деятельностью во имя мужа доказала, что жена в России больше, чем жена, положив тем самым начало существованию в русской литературной традиции «жён-мироносиц» (Н. Е. Мандельштам, Е. С. Булгакова и др.) — сочувствовальниц, последовательниц и хранительниц текста. Д. Мартинсен (Колумбийский университет, США) проанализировала роман «Идиот» как «трагедию непростения» («*The Idiot: A Tragedy of Unforgiveness*»). Достоевский показал, что драма Настасьи Филипповны и других героев романа «Идиот» заключается в их неспособности прощать: непростение может убить, а способность прощать и принимать прощение может спасти жизнь. Б. Н. Тихомиров (Литературно-мемориальный музей Достоевского, Санкт-Петербург) представил слушателям свое исследование черновых набросков к роману «Идиот», в которых центральный герой, фигурирующий под условным определением Идиот, характеризуется Достоевским как «хищный тип», гордец, обуреваемый необузданными страстями. По своим характеристикам он является прямой противоположностью будущего князя Льва Николаевича Мышкина. Исследователь вынес на обсуждение вопрос: два самостоятельных произведения готовил

Достоевский или всё же перед нами две редакции одного романа? К. Аполонио (Университет Дьюка, США) посвятила свой доклад «Второй век существования Достоевского на английском языке» проблеме перевода творчества писателя. Она констатировала факт: большинство читателей Достоевского во всем мире не читают оригинальные тексты на языке автора, и при этом он остается одним из самых великих писателей мировой литературы. Проанализировав ключевые текстовые примеры из нескольких переводов произведений Достоевского, исследовательница пришла к убеждению, что переводы представляют собой коллективную версию оригинального текста, которая помогает читательскому пониманию, а не ухудшает восприятие произведений.

Многочисленные секционные заседания были посвящены следующим направлениям: «“Идиот” при жизни Достоевского и 150 лет спустя», «Достоевский и информационные технологии (Digital Dostoevsky)», «Поздний Достоевский и “Житие великого грешника”», «Достоевский и Запад», «Достоевский в переводах». Тематика самих секционных заседаний была разнообразна: «Перевод и рецепция», «Восток и Запад», «Литературные подтексты», «Перевод и интерпретация», «Авторство», «Достоевский и общество», «Достоевский-мыслитель», «Индивидуальность», «Жизнь, творчество, путешествия», «Мышкин и Настасья Филипповна», «Роман “Идиот” и его прочтения», «Философия и теология», «Рецепция и интерпретация», «Жанр и поэтика», «Проблемы поэтики романа “Идиот”», «Я и другие», «Интерпретация и адаптация», «Поэтика, жанр, система», «Читатели Достоевского», «Достоевский на киноэкране», «Литературные диалоги с Достоевским», «Достоевский и другие», «Достоевский и визуальное искусство», «Предметы и вещи в произведениях Достоевского».

Заведующая Web-лабораторией Гуманитарного парка ПетрГУ И. С. Андрианова выступила на секционном заседании «Прочтения Достоевского» с докладом «Роль стенографии в творческой работе Ф. М. Достоевского (роман “Идиот”)». Она рассказала о писателях мировой литературы, владевших скорописью (Д. Дефо, Ч. Диккенс, А. Линдгрэн) или пользовавшихся услугами стенографов (Вс. Крестовский, А. Куприн, М. Твен и др.), о роли жены — стенографистки и соавтора — в творческом процессе Достоевского, продемонстрировала стенограммы А. Г. Достоевской, часть из которых не расшифрована до сих пор, описала их особенности и трудности в расшифровке.

Во время Симпозиума в Бостоне состоялось заседание Генеральной ассамблеи Общества, где почтили память покойных членов Международного общества Достоевского Нины Перлиной (Университет Индианы, США), К. А. Степаняна (ИМЛИ, Россия), Т. Г. Мальчуковой (ПетрГУ, Россия), В. В. Иванова (КГПУ и ПетрГУ, Россия). На заседании был избран новый президент — Кэрл Аполонио, а В. Н. Захаров стал почетным президентом Общества. За время его президентства было осуществлено несколько важных мероприятий, предпринятых во имя сохранения памяти о Ф. М. Достоевском и распространения творчества писателя в мире. Одним из них является издание научного журнала «Неизвестный Достоевский» на базе ПетрГУ (гл. ред. — В. Н. Захаров, редакция — И. С. Андрианова, Е. Н. Вяль, Л. В. Алексеева, Т. В. Панюкова, В. С. Зинкова, М. В. Заваркина). Журнал занял особое место среди многочисленных изданий, посвященных Достоевскому: его миссия — в привлечении и поддержке оригинальных исследований биографии и творчества гениального русского писателя, опирающихся на источниковедческую базу, в обеспечении доступа читателей из разных стран к неопубликованным архивным материалам. В этом году исполняется 5 лет, как издание ежеквартально выходит в свет.

Помимо избрания нового президента, на Генеральной ассамблее был принят новый Устав IDS, одобрена заявка Японского общества Достоевского на проведение XVIII Симпозиума в 2022 году.

На шесть июльских дней американский город Бостон, где великий писатель никогда не был, стал мировой столицей Достоевского и объединил людей с разных стран мира, изучающих русскую литературу и культуру.

В 2021 году во всем мире будет отмечаться 200-летие со дня рождения Достоевского. В плане юбилейных мероприятий, утвержденных Правительством РФ, включены события, которые состоятся в Петрозаводском государственном университете: международная конференция, презентация проекта Digital Dostoevsky, завершение первой пятнадцатитомной серии Полного собрания сочинений Достоевского.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-34-01075 а2 «Стенографические записи А. Г. Достоевской: Новые материалы и исследования».

**“PETROZAVODSK TEXTOLOGICAL
SCHOOL” AT THE SYMPOSIUM OF THE
INTERNATIONAL DOSTOEVSKY SOCIETY (Boston, July
14—19, 2019)**

**ANDRIANOVA
IRINA**

*PhD in Philology,
Head of the Web-laboratory of the Institute of Philology,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, yarysheva@yandex.ru*